

ТАТЬЯНА ИГНАТЕНКО

Толковательница
сновидений

«ПОЛНОЧНЫЙ
ДОЖДЬ»

Татьяна Игнатенко

**Толковательница сновидений.
«Полночный дождь»**

«Accent Graphics communications»

2015

Игнатенко Т.

Толковательница сновидений. «Полночный дождь» /
Т. Игнатенко — «Accent Graphics communications», 2015

Роман-расследование, роман-монография... Автор – и компетентный ученый, и талантливый писатель одновременно. Сюжет – сугубо научный, но от этого не менее увлекательный. Редкое сочетание! Сразу вспоминается давняя традиция доброй старой английской литературы. В романе анализируются проблемы, связанные с психикой человека, находящегося в состоянии сна. Таинство сна (особенно моменты засыпания и пробуждения) – основная загадка романа, которую пытается разгадать главная героиня, преподавательница Алиса Светлова. При этом она сталкивается с множеством неожиданных обстоятельств, заставляющих ее задуматься: так что же происходит во сне, а что – наяву? Для любителей классических детективных сюжетов и научных загадок.

© Игнатенко Т., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

К читателю	5
Глава 1. «Чудесное» утро	7
Глава 2. Эдипов комплекс, или Страхи бабушки Фрейда	11
Глава 3. Красавцы-мужчины	18
Глава 6. Блудный муж, а также о женщинах с тенью и без тени	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Т.И. Игнатенко

Толковательница сновидений.

«Полночный дождь»

К читателю

Один из самых туманных феноменов нашей духовной жизни есть феномен сновидений. Н.Я. Грот

К людям, которые рассказывают, что их забирали летающие тарелки, пугали домовые, привидения и т. п., я отношусь с большим пониманием, так как не все они вруны, жаждущие дешевой славы. Среди них много жертв снокопий. Толковательница сновидений

Все события и персонажи вымышлены, совпадение с реальными людьми и фактами случайны.

Стрессоустойчивость – это такое качество характера, без которого трудно жить современному человеку. *Стрессоустойчивости* требуют от соискателей при приеме на работу, о ней мечтают все – от топ-менеджеров до домохозяек... К сожалению, мы буквально погружены в агрессивную среду, с ее дефицитом положительных эмоций и информационным прессингом, которые часто продуцируют в психике не лучшие чувства и состояния. Как же уберечь себя от стрессов? Как сохранить внутреннюю гармонию? На эти вопросы пытается ответить главная героиня романа – Алиса Светлова, которую окружающие называют «толковательница сновидений».

Как известно, в знаменитой сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» маленькая девочка падает в кроличью нору и... оказывается в причудливом царстве своего подсознательного. Толковательнице сновидений Алисе Светловой довольно часто приходится «падать в чужие кроличьи норы» – она изучает внутренний мир людей, обращающихся к ней за помощью в качестве клиентов. Проводя свои «расследования», толковательница выявляет причины кошмарных снов, видений, фобий и прочих проблемных состояний их психики. Для этого Алиса разработала свою методику погружения в чужие фантазии и подсознательные ощущения. И эта методика позволила ей стать настоящим «виртуальным детективом».

Сама толковательница глубоко убеждена, что популяризация СМИ экстрасенсов, гадалок, охотников за привидениями, всяческих «магов» – крайне вредное явление. Ее беспокоит, что Интернет переполнен опасными для психики практиками, а завлекательные речи об «осознанных сновидениях», «прозрачных снах», «расширении сознания» постоянно ведутся в околонаучных сферах. И кто-то видит в этом безобидную игру, экстремальное развлечение, а кто-то – полезный инструмент, с помощью которого можно достигнуть всего, что пожелаешь... Но не случайно сказано: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор., 6: 12).

Вот поэтому Алиса и взялась толковать сновидения, считая, что современной науке давно пора предпринять меры, направленные на развенчивание всех этих «паранормальных феноменов» и практик, негативно сказывающихся на психическом здоровье нации. Пытаясь рационализировать образ мышления людей, толковательница в своих расследованиях старается изыскивать убедительные формулировки и трактовки категорий, которые бы стимулировали адекватное восприятие мира. В этом смысле она похожа на знаменитого отца Брауна из рассказов Г.К. Честертона и проницательную мисс Марпл из произведений Агаты Кристи. Мы знаем,

что даже в самых запутанных случаях приемы рационального мышления служили надежным якорем в житейских хитросплетениях, которые им доводилось распутывать.

Однако, взявшись за очередное «расследование», очень необычное дело «Барыни», Алиса подозревает, что на этот раз не все происходящее в виртуальном мире ее клиентки Ольги Некрасовой можно объяснить рационально. Именно этого толковательница больше всего и боится... Тем более что в квартире Ольги висит картина. На ней изображена женщина, чью судьбу Некрасова загадочным образом повторяет.

В книге вас ждут неожиданные сюжетные повороты, а художественное повествование органично сочетается с научными текстами. Поэтому «Толковательницу сновидений. «Полночный дождь»» можно смело назвать *романом-монографией* с элементами детектива и мистической фантазии, написанным в лучших традициях романа-расследования.

Надеюсь, такой роман будет интересен как человеку пытливому уму, стремящемуся разобраться в сложных проблемах человеческого бытия, так и обычному читателю, уставшему от повседневных забот, но не утратившему стремления к саморазвитию.

Глава 1. «Чудесное» утро

Моей большой семье посвящаю...

Цветок был прозрачным, с бледно-зелеными прожилками. Алиса нагнула стебель, вдохнула нежный аромат кувшинки. Она любила этот сон. Когда он снился – всегда радовалась, вместе с белыми причудливыми облаками над головой.

Но сегодня было что-то новое: облака не только улыбались, они приобрели форму качелей. Алиса села на качели и полетела в небо. Кувшинки внизу изменили цвет и превратились в малахитовые огоньки...

– Как красиво! – сказала Алиса.

И проснулась...

Встать не хотелось. Среди облаков и цветов – хорошо, а в квартире – одиноко и холодно...

Наконец Алиса посмотрела на потолок. Там металась тень от деревьев.

«Еще как минимум час можно поспать», – решила она и закрыла глаза. Неожиданно с ее ног взвился кот, уютно дремавший на одеяле, и, возмущенно шипя, помчался прочь. В следующую секунду и она вскочила с постели, потому что, пошевелив ногой, попала в теплую лужу. Откинув одеяло, увидела, как фонтанирует порвавшаяся грелка.

– Утро красит нежным цветом... – пробормотала Алиса, хватая грелку, – день, судя по всему, предстоит чудесный! Главное – найти в произошедшем положительную сторону.

Положительная сторона нашлась по дороге на кухню: Алиса отметила, что вчера собиралась менять постель, – хорошо, что не поменяла!

Кот возле плиты вылизывал мокрый бок, а увидев хозяйку, недовольно замыкал.

– Ну-ну, – прошептала Алиса, погладив его, – мне тоже досталось. – Затем пошла в ванную, отправила грелку «мертвой лягушкой» в мусорный пакет, затолкала постельное белье в стиральную машину и отправилась снова на кухню. Легла на диван, укрылась пледом и задремала...

Диван и кресло на кухне – была ее идея. Тем более что габариты квартиры располагали к такому дизайну. Очень удобно, наевшись, тут же поспать под бормотание работающего телевизора. Обычно так делал муж Алисы – Игорь. Но сейчас он был вместе с их детьми. Дети Алисы и Игоря жили в Москве, то есть за тысячу километров от родного поволжского города. Зять – бизнесмен, пригласил тестя к себе на работу. Он нуждался в опытном логисте, и не прогадал. Игорь оправдал его надежды. Сын, который был еще не женат, тоже в столице успешно строил карьеру. И сын, и муж, раз в полгода, наезжали в отчий дом. Дочь и внучки гостили чаще, понимая, что их мама и бабушка очень скучают. И мужчины это также понимали, но они были очень заняты...

...Стиральная машина затихла. Алиса поднялась, открыла дверцу, стала тянуть мокрое белье и, между складками ткани, внезапно увидела отрубленный палец...

...Алиса протерла глаза, палец не исчезал. Она медленно прикрыла дверцу, села на пол возле машины.

– Какие-то трагические «чудеса», – вслух произнесла она и, закрыв глаза, стала медленно повторять: – Нет ничего в этом мире странного и страшного, чего нельзя объяснить логически!

Это была ее коронная фраза. В критических ситуациях она всегда ее твердила, заставляя сердце биться не так часто. Но сейчас объяснить присутствие отрубленного пальца у себя в квартире, да еще в стиральной машине не могла никак. Стало жутко...

Для подобных случаев у Алисы был припасен радикальный метод. Она довольно часто попадала в странные истории, поэтому следующая фраза, которую она произнесла, звучала так:

– Как бы жутко и противно ни было – эту жуть рассмотрим подробно!

Понятное дело, это не распространялось на вызывающие опасения неопознанные предметы в общественных местах.

Она сжала губы, вдохнула воздух и шумовкой вытолкнула палец из машины на пол.

Закрыла глаза, открыла. Сосредоточилась... Ткнула палец шумовкой еще раз. И не поверила своим глазам.

...Перед ней лежала лилово-сине-розовая, разбухшая от воды, одна из беруш.

В голове Алисы сразу заплясали строчки рекламы:

«...Используя беруши для сна, вы сможете вернуть себе спокойный, глубокий сон, который позволит вашей нервной системе полностью восстановиться после стрессовых нагрузок напряженного дня».

И это правда. Когда Алиса открыла для себя беруши, окружающий мир стал менее агрессивным, а жизнь намного комфортнее. У нее были проблемы со сном. Ночь, как правило, несла много новых мыслей и размышлений, иногда очень интересных, поэтому Алиса частенько не могла уснуть и тогда досыпала днем, если это было возможным. Вот тогда-то беруши особенно спасали.

Она засмеялась, взяла изделие с пола и стала разглядывать его. Вблизи испугавший ее предмет совсем не был похож на палец: обычный, пусть и раздувшийся от воды, кусок полиуретана. Вторая «защитница от внешнего мира» благополучно торчала в ее собственном ухе.

«Ну, понятно, – подумала Алиса, – совсем про них забыла, а подсознательное резвится... Если еще учесть, что я без линз».

Вчера Алиса до двух ночи смотрела «страшный кинчик», как говорила ее дочь. Конечно, не такой страшный, как «Звонок»¹, но тоже будораживший воображение. В фильме ужасов злодей отрубал пальцы своей жертве и присылал родным с целью ускорить выкуп. На третьем пальце Алиса выключила телевизор, однако, как видно, это не помогло.

– Трудно жить человеку с бурной фантазией! – пробормотала она и стала собираться на работу.

Процесс был непростым. Это в двадцать лет тебе простят не совсем уложенные волосы, тусклое, без косметики, лицо и одежду, надетую по принципу «что под руку попало». А в сорок пять каждый такой нюанс прибавляет несколько лет. Так думала Алиса, а ей было именно сорок пять. Кроме того, в последнее время она стала немного полнеть.

В детстве Алиса была очень маленькой и худенькой. Родилась в конце сентября и в школу могла бы пойти с восьми лет. Но дородная высокая мама Алисы, вспоминая свое детство, боялась, что дочь начнет быстро расти и ее в классе будут дразнить «дылдой». В результате девочка пошла в школу, не достигнув семи лет. Была в классе самая младшая, долго оставаясь самой маленькой и худенькой. До восьмого класса это ей досаждало, а потом Алиса незаметно превратилась в довольно высокую изящную барышню с тонкой талией и копной каштановых волос. В тридцать – ее изящность приобрела сексапильную округлость. В сорок – к этому добавилась явно заметная респектабельность. Слово «хорошенькая» к Алисе не подходило никогда, и не потому, что внешность к этому не располагала. Дело было во взгляде, который мог быть слишком пристальным, слишком ироничным, а в минуты раздражения и гнева просто способным пригвоздить виновника к полу.

Надо сказать, что Алиса гневалась редко и чаще всего на ее лице было аристократическое доброжелательное спокойствие, иногда воспринимаемое как равнодушие. Это мама приучила при любых обстоятельствах владеть своим лицом и мастерски контролировать мимику.

¹ Фильм «Звонок» (англ. The Ring; США, 2002) – ремейк японского фильма ужасов «Звонок», снятый режиссером Гором Вербински.

Потом, окунувшись в преподавательскую деятельность, дочь оценила, каким полезным владеет искусством!

Алиса работала в вузе, преподавала философию. Приходилось стоять у доски под пристальными взглядами множества студентов. И ее, конечно, разглядывали. Естественно, она считала, что должна быть безупречной...

А тут лишний вес! Из-за этого теперь каждое утро начиналось с зарядки. Не вставая с постели, она делала комплекс упражнений, потом медленно поднималась и снова, уже стоя, продолжала зарядку. Затем мысленно настраивалась на позитив, шла в душ, укладывала волосы... Это был целый ритуал. Грелка же спутала все карты. Такие дни Алиса называла «чудесными».

...Однажды, когда ей было лет семь, она спросила у мамы, почему та назвала ее Алисой. Мама улыбнулась и сказала:

– «Алиса» на греческом языке означает «истина», – а потом неожиданно продекламировала:

Июльский полдень золотой
Сияет так светло.
В неловких маленьких руках
Упрямится весло,
И нас теченьем далеко
От дома унесло.
Безжалостные! В жаркий день,
В такой сонливый час,
Когда бы только подремать,
Не размыкая глаз,
Вы требуете, чтобы я
Придумывал рассказ?

– Ничего я не требую, – рассердилась девочка, – просто спрашиваю.

И высвободилась из-под маминой руки.

Они любили иногда лежать вместе и разговаривать. Алиса забиралась к маме под одеяло, та обнимала ее, укутывала и говорила:

– Мы, как два маленьких белых кролика, прячемся в норке от непогоды, и нам тепло и уютно!

– Да, да... – шептала Алиса и засыпала.

Но сейчас она была раздосадована...

– Это я уже начала отвечать, почему я тебя назвала Алисой, – улыбнулась мама. – Был такой ученый и писатель Льюис Кэрролл. Он написал сказку «Алиса в Стране чудес». Сказка начинается с этого стихотворения. Мне сказка очень нравится. Вот в честь главной героини я тебя и назвала. Хочешь, я ее расскажу?

Конечно же, Алиса согласилась. Мама не часто рассказывала сказки. Много работала. Воспитанием девочки занималась бабушка. И это воспитание было конкретным – без особых сантиментов: накормить, напоить, погулять, проследить, чтобы внучка не ходила босиком по холодному полу. Бабушка за этим особенно следила. И поэтому Алисе казалось, что она все время под зорким взглядом бабуси.

Дедушка Алисы чаще всего жил на даче. И если они с бабушкой отправлялись к нему в гости, так это было целое путешествие. Дедушкино «поместье», маленький домик с участком в шесть соток, находился за городом, в живописном месте, на берегу Волги. Туда ездили на «кораблике» – речном трамвайчике. Алиса на даче с бабушкой отдыхали, купались, загорали,

ели клубнику и всякие другие вкусности. А дедушка работал. Его сгорбленная спина, в проплетшей майке, мелькала среди деревьев и в жару и в холод. Но Алиса знала: настанет момент и они с дедом обязательно пойдут в лес. А там... Волшебный мир! За каждым из деревьев на Алису смотрел лесовичок. А птицы щебетали не просто так – у каждой была своя история... Так говорил дедушка. Он знал, как называется тот или иной цветок, почему это гриб можно класть в лукошко, а этот – нет. А еще дедушка плел из ивовых прутьев большие корзины. Корзины стояли в ряд, заполненные овощами, и напоминали Алисе сказочных богатырей.

Мама тоже приезжала на дачу. Тихо лежала в гамаке – дремала на свежем воздухе... И когда она так отдыхала, ее нельзя было беспокоить. Общение с матерью было праздником. Поэтому дочь очень обрадовалась, когда та взялась рассказывать историю о девочке, попавшей в «страну чудес», о Белом Кролике, Чеширском Коте, Мартовском Зайце и других странных персонажах.

Но... сказка Алисе показалась скучной и непохожей на привычные ей, даже кролик и его норка, в которую упала героиня, не понравились. А потом и вовсе стало клонить в сон.

– Хватит забивать ребенку голову дурацкими фантазиями, – раздался над ухом голос бабушки. – Тем более что она засыпает. Расскажи лучше сказку о царе Салтане.

И мама с бабушкой стали спорить. Алиса закуталась в одеяло и уснула. Она умела «захлопывать ушки», когда что-то не нравилось в разговоре... Бабушка была строгой. В свое время работала бухгалтером в обкоме партии². Знала всех начальников в лицо. Имела связи. И это наложило отпечаток на ее характер. Мама тоже не была мягким человеком, должность завуча в школе приучила ее командовать. Она, конечно, не раздавала указания направо и налево. Просто была очень принципиальной. В итоге на день рождения девочка получила две книжки. Одну от бабушки – «А.С. Пушкин. Сказки» с надписью:

«Дорогой внучке от бабушки Кати. Произведения нашего поэта, нашего гениального Александра Сергеевича Пушкина помогают человеку быть добрым, умным, жизнерадостным, помогают видеть все Прекрасное в жизни! Читай их, моя внученька, всегда!»

Другую – от мамы: Льюис Кэрролл. «Приключение Алисы в Стране чудес». Мама тоже сделала надпись в книге:

«Дорогая моя дочка, мне бы хотелось, чтобы, когда вырастешь, ты сохранила в свои зрелые годы простое и любящее детское сердце, которое позволит тебе в этой жизни видеть чудесное... Книга об Алисе поможет в этом. Читай ее...»

Однако «мамину» книжку Алиса долго не могла осилить, чего нельзя было сказать об Александре Сергеевиче. Его произведения девочка прочитала все. И многое выучила наизусть: почти на все случаи в жизни у нее имелась цитата «из Пушкина». Тем не менее именно «Алиса в Стране чудес» сыграла в ее жизни огромную роль, можно сказать мистическую, прежде всего, потому, что Алису, так же как и героиню сказки, просто преследовали чудеса, особенно маленькие.

² Областной комитет Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) – руководящий орган в годы советской власти.

Глава 2. Эдипов комплекс, или Страхи дедушки Фрейда

Войдя в аудиторию, она увидела очередное «чудо», сидящее за первым столом. У студента вся голова была практически лысая. Лишь челка, заплетенная во множество косичек, падала на лоб. Сквозь косички смотрели настороженные глаза. Студент ждал, что Алиса его будет разглядывать, а потом разразится обличительной речью о том, что неформалам нечего делать в вузе. А она лишь кинула мимолетный взгляд и начала читать лекцию. Остальные студенты разочарованно вздохнули: ждали шоу...

Алисе не в первый раз приходилось сталкиваться с такой ситуацией. В вуз она пришла сразу после университета, получив диплом преподавателя истории. Не испугало то, что вакансия была только на кафедре философии, знала, что ее образование позволит, при соответствующей работе над собой, справиться с этим предметом. Тем более что философия всегда ей была симпатична, а на последних курсах Алиса вообще увлеклась «греками»...

Сегодняшняя лекция была самой первой, так как семестр только начался, и со студентами только предстояло знакомиться. Алиса планировала это сделать на семинарском занятии.

...И на семинаре лысый студент опять сидел на первой «парте». Алиса почувствовала дискомфорт. Она вообще не испытывала особого расположения к студентам, сидящим прямо перед ней. Казалось, что это нарушает личное пространство, позволяющее держать с аудиторией нужную дистанцию. Алиса не относилась к категории преподавателей, стремившихся быть со студентами на «короткой ноге». Видела в этом опасную фамильярность и дешевый популизм, поэтому никогда, даже первокурсников, не называла на «ты». Более того, сознательно не запоминала имен, так как это было очень сложно. На лекции, как правило, сидел поток из ста человек. Спутать чье-то имя, что было очень вероятно в такой ситуации, Алиса считала верхом бестактности. Более того, казалось, что обращение по имени включает в преподавателе эмоциональную сферу, делая его пристрастным. А это мешало оценивать объективно студенческие знания.

Но была и еще одна причина – самая важная. Называя студента по имени, вглядываясь в его лицо, Алиса моментально чувствовала с ним сопричастность. Фразу «Мы всегда будем в ответе за тех, кого приручили» она постоянно помнила и потому дистанцировалась³.

В ее лексиконе превалировали такие обращения, как «господин», «госпожа», «барышня», «молодой человек». Это была очень ироничная старомодность. Для создания в аудитории нужной атмосферы Алиса иногда добавляла, глядя на болтающего или «заснувшего» студента: «Молодой человек приятной наружности...» Но только если нужно было юмором встряхнуть и студента, и аудиторию. В редких случаях, когда ситуация требовала жесткой реакции, она просто переходила на «третье лицо». Соответствующая мимика и реплика «Прекратите!» быстро приводили студентов в чувство. Впрочем, это было редко. Лекции были интересными, и Алиса привыкла, что ее слушают.

Сегодняшний семинар был вводным и, стало быть, нудным. Предстояло познакомиться с группой, рассказать, как будет строиться работа в семестре, что такое «рейтинг». На эту информацию уходило минут сорок, остальное время надо было ломать голову, чем же еще занять студентов. Отпускать было нельзя, так как учебный отдел самозабвенно отлавливал преподавателей – нарушителей «режима».

Обычно Алиса в конце вводного семинара просила письменно ответить на вопрос: зачем студенту-химику (экономисту, металлостроителю и т. д. в зависимости от факультета) философия?

³ Из повести «Маленький принц» (1943) французского летчика и писателя Антуана де Сент-Экзюпери (1900–1944).

Пока студенты «пыхтели» над ответом, она незаметно наблюдала за Савиновым, то есть за лысым студентом. Очень хотелось, чтобы за неформальным видом была спрятана нежная душа, вот *так* заявлявшая о себе миру...

А Савинов смотрел в потолок, периодически встряхивая косичками, что делало его похожим на индюка. Барышня, сидевшая за ним, захихикала.

– Господин Савинов, – сказала Алиса, – не отвлекайтесь, сконцентрируйтесь, напишите, что именно вы думаете. И главное – прочитайте, что написали, ибо я, после проверки, обычно оглашаю информацию из наиболее курьезных ответов, под рубрикой «Нарочно не придумаешь».

– И фамилии называете? – встрепенулся Савинов.

– Нет, но все равно бывает очень смешно!

Савинов вздохнул, уткнулся взглядом в поверхность своего пустого стола и замер... Сдвинулся только перед самым звонком, что-то нацарапал на листке и тут же сдал свой «опус».

...Алисе предстояла еще одна лекция. Точно такая же по содержанию, как первая, под названием «Философия как наука, ее объект и предмет», только на другом факультете. Это была третья пара, и надо было собраться. Но записка Савинова, а именно так можно было квалифицировать эту письменную работу, выбила ее из колеи. На поставленный вопрос студент ответил следующим образом:

«Философия – бред, но Вы очень привлекательная. Мне нравится...»

«Или куражится, или эдипов комплекс⁴, – мысленно констатировала Алиса, – теперь придется держать Савинова на особом контроле».

Она предчувствовала, что автор записки будет действовать дальше. Если он просто обычный «шутник» и ему скучно, то станет всячески прилюдно демонстрировать свое расположение к преподавателю и хитро наблюдать, как отреагирует «эта тетка». В таких случаях Алиса принимала игру. Тем более что за рамки приличия студенты, как правило, не выходили. Им казалось, что небольшие провокации развлекали всех. Алиса же либо не обращала внимания на их усилия, либо шутила так, что над очередным «ухажером» смеялась вся группа. В итоге парню все надоедало, и он успокаивался. И все входило в привычные рамки.

Но приходилось сталкиваться и с эдиповым комплексом, под которым, как известно, обычно понимают сексуальное влечение молодого человека к женщинам значительно старше, например возраста матери. Тут уже приходилось действовать изобретательнее.

Последний раз, года три назад, вот так же студент постоянно разглядывал Алису. Правда, взгляд был откровенно мужским, пристальным и тяжелым. Студент казался взрослее одногруппников. Коренастый, плотный, похожий на секьюрити, он внимательно слушал лекции, положив крупные руки перед собой. А на перемене старался подойти поближе. Иногда буквально «дышал» Алисе в затылок. При этом в словах и жестах не было ничего конкретного.

Тем не менее ситуация была понятной. Оставалось делать вид, что ничего не происходит. Но однажды, на перемене, воздыхатель подошел совсем близко и сказал:

– Мне бы хотелось позаниматься индивидуально. Приходите вечером ко мне домой.

И буквально навис над Алисой. Не меняясь в лице, она отступила на несколько шагов и ровным голосом произнесла:

– Насколько я помню, у вас приличное количество баллов. Не стоит переживать. Есть хорошие шансы сдать экзамен. Без меня прекрасно справитесь.

И спокойно удалилась, словно ничего не поняла... На самом же деле для нее это означало, что время плана «А», согласно которому ее поведение строилось по принципу «делаю вид, что ничего не замечаю», прошло и наступило время включать план «Б».

⁴ Эдипов комплекс (от лат. complexus – связь, сочетание) – понятие, введенное З. Фрейдом.

Согласно плану «Б» на лекциях Алиса рассказывала о Зигмунде Фрейте и, как следствие, об эдиповом комплексе. Делала это деликатно, строго научным языком, без лишних подробностей, излагала только то, что пишут в учебниках и энциклопедиях.

На самом же деле у Алисы было свое достаточно эмоциональное отношение к Фрейду, которого она называла «решившим, что он стоял со свечкой» и «венским шарлатаном». Последний эпитет, как известно, принадлежал Владимиру Набокову. И это, прежде всего, из-за обиды за Льюиса Кэрролла, сказки которого Алиса открыла для себя уже взрослой. Она соглашалась с тем, что Кэрролл написал свои сказки как ученый для ученых, которые до сих пор находят в них материал для научных размышлений и интерпретаций.

По мнению Алисы, некоторые психоаналитики совершенно некорректно акцентировали внимание на таких моментах, как падение в кроличью нору, или ситуации, когда героиня хватается за карандаш, который держит Белый Кролик, и начинает писать за него. А в многочисленных упоминаниях о пище в сказке Кэрролла «об Алисе» даже разглядели признаки «оральной агрессии» автора, то есть его одержимости мыслями о еде и питье.

Столкнувшись с такой интерпретацией, Алиса очень удивилась. Когда первый раз внимательно прочитала сказку, она ощутила светлое, доброе чувство, некий привкус детства. Тем более что мамина надпись в книге была слепком с последней фразы из «Алисы в Стране чудес»⁵.

Никаких психоаналитических мыслей о карандаше, норе, тем более «оральной агрессии» у нее не возникло. Более того, читая про Белого Кролика, она сразу же вспоминала маму, их вечерние разговоры под одеялом. И сразу же возникало чувство защищенности, беспечности, теплоты...

Но, прочтя статью американского математика и писателя Мартина Гарднера «Аннотированная "Алиса"» в дополнении к другому изданию сказки, она пришла в негодование.

По мнению Гарднера, подробнее и лучше других написала о Кэрролле нью-йоркский психоаналитик Филлис Гринейкер, которая считала, что писатель страдал от эдипова комплекса! Именно поэтому он отождествлял маленьких девочек со своей матерью, а сама Алиса просто является образом матери. Казалось бы, Гарднер ставит под сомнение соображения Гринейкер, отмечая, что существует письмо, в котором Кэрролл признавался, что смерть отца была «величайшим горем всей его жизни». Однако далее текст самого Гарднера становится двусмысленным: он многозначительно упоминает о возможной влюбленности Кэрролла в Алису Лидделл и что мать девочки была против ее дружбы с таким взрослым мужчиной. При этом якобы сам Кэрролл считал «свою дружбу с девочками совершенно невинной». Затем Гарднер и вовсе утверждает, что «в наши дни Кэрролла порой сравнивают с Хамбертом Хамбертом, от чьего имени ведется повествование в "Лолите" Набокова», но сразу же добавляет, что Кэрролла тянуло к девочкам, «потому что в сексуальном отношении он чувствовал себя с ними в полной безопасности». Кэрролл, по мнению Гарднера, был воплощение невинности и страстности: «сочетание, уникальное в истории литературы»⁶.

«Масса весьма специфической информации для людей, решивших просто прочитать сказку! – думала Алиса. – Одно сравнение Кэрролла с набокковским любителем нимфеток чего стоит. Как хорошо, что простые читатели, тем более дети, совсем не читают дополнений к книгам! Им интересна только сама сказка...»

Что же касается Фрейда, то Алиса не считала его ни невротиком, чьими невротами озачен весь мир, ни гениальным ученым, открывшим истину.

⁵ Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл. М.: Наука, 1990. (Перевод Н.М. Демуровой).

⁶ Гарднер М. Аннотированная «Алиса» / М. Гарднер // Л. Кэрролл. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1990.

Для Алисы изобретатель психоанализа был, прежде всего, мистификатором и авантюристом, безумно желавшим славы и денег. Эта мысль возникла у нее при изучении его биографии.

...Мальчик, родившийся в бедной семье, обратился к медицине по необходимости, под давлением отца. Занимался сомнительными и опасными авантюрными проектами: кокаин⁷, гипноз... Сложные личные отношения, как с друзьями-мужчинами, так и с женским полом... Постоянная экономия, профессиональные неудачи. И, наконец, словно выход из положения, золотая жила – психоанализ, в котором он заговорил о том, о чем не принято было тогда говорить, – о *сексуальности*. В итоге его, конечно же, слышали: кто с негодованием, а кто и с удовольствием. Что еще нужно для пиара человеку, чей авантюризм смел все нравственные тормоза!

Так думала Алиса. Ее, например, бесконечно возмущали интерпретации Фрейдом биографий великих людей... Леонардо да Винчи он обвиняет в латентной гомосексуальности, Достоевского в склонности к отцеубийству, в онанизме... и вообще в сделке с совестью, которую Фрейд называет «характерной русской чертою»!!!⁸.

Велик был соблазн после прочтения всего этого все-таки обвинить самого Фрейда в агрессивном неврозе. Однако Алису смущали «милые» отступления Фрейда, в которых он соглашается, что его научные выводы имеют право на существование лишь с «пристрастной точки зрения определенного мировоззрения»⁹.

Почему же Фрейд тогда так оскорбителен в своих выводах? Видимо, потому, что известнейших людей, которых он «подверг психоанализу» и которым установил диагноз, уже нет в живых и они не могут «дать сдачи». Обывателю же о них читать интересно...

Словом, человек по имени Зигмунд Фрейд был сложным. Но мыслил, как казалось Алисе, очень рационально. Сделал себе наконец-то имя и вошел в историю.

Мнение о «венском шарлатане» у Алисы во многом изменилось, когда она наткнулась на описание Фрейдом классической невротической личности. В этом описании шел рассказ о маленьком мальчике, который «в первые годы своей жизни спал с родителями в одной комнате и имел неоднократную и на самом деле регулярную возможность наблюдать половой акт родителей... Такие наблюдения преждевременно пробудили у ребенка мужскую агрессивность, он начал возбуждать свой маленький пенис рукой и пытался предпринимать различные сексуальные нападения на мать, отождествляя себя таким образом с отцом, на чье место себя ставил. Это продолжалось до тех пор, пока мать не запретила ему трогать пенис и не пригрозила, что расскажет об этом отцу, который накажет его, отобрав этот греховный орган. Эта угроза кастрации оказала на мальчика исключительно сильное травматическое воздействие...»¹⁰. Далее Фрейд писал, что после этого ребенок стал очень бояться отца и все больше держаться матери. Латентный период эдипова комплекса прошел у него бессимптомно. Более того, он стал примерным мальчиком и был неплохо успевающим учеником. Наступление половой зрелости, однако, принесло с собой явный невроз: импотенцию, страх перед женщинами, яростную ненависть к отцу, мысли о самоубийстве и как следствие конфликты с внешним миром: у него не было друзей, его преследовали профессиональные неудачи. После смерти отца он наконец женился, но это не решило его проблем... В итоге «он превратился в совершенно эгоистическую, деспотичную и грубую личность, он явно ощущает потребность подавлять и оскорблять других людей»¹¹.

⁷ В 1884 году Фрейд опубликовал научную работу «Uber Coca», в которой предлагал применение кокаина в качестве заместительной терапии при лечении опиумной зависимости. Статья признана в высшей степени сомнительной.

⁸ Фрейд З. О сновидениях / З.Фрейд. М.: АСТ, 2009.

⁹ Там же.

¹⁰ Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия / З.Фрейд. М.: Наука, 1999.

¹¹ Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия.

Алису потрясло, насколько это совпадает с автобиографией Фрейда. Если это так, то маленьким мальчиком, боявшимся кастрации, был сам Фрейд! Но тогда... как же страдал этот человек! И дело не в придуманном потом эдиповом комплексе и перенесении его на всех детей, а в глупой, жестокой матери, которая так испугала ребенка! И навсегда испортила его отношения с отцом, который, по мнению ряда биографов, на самом деле был мягким человеком!

– Родители! Держите язык в узде! Вы можете искалечить детям жизнь!!! – хотелось крикнуть Алисе.

Но она успокоила себя тем, что, возможно, это ее интерпретация событий. Не нужно, подобно Фрейду, в отношении самого Фрейда «стоять со свечкой»! Однако эмоциональная сторона «общения» Алисы с отцом психоанализа «имела место быть». Она это понимала. И старалась не терять объективности. Считая, что все работы автора эдипова комплекса требуют верификации¹², она уважала его как яркую личность, талантливого писателя и ученого, чьи некоторые идеи, безусловно, были важны для современной науки.

Поэтому на лекциях она обязательно рассказывала студентам о «венском шарлатане», не называя его таковым...

...И в тот раз, три года назад, после разговора с молодым воздыхателем, Алиса на очередной по расписанию лекции заговорила о Фрейде, для начала продиктовав студентам следующее:

– Зигмунд Фрейд – австрийский невропатолог, психиатр, психолог, создатель психоанализа. Психоанализ – часть психотерапии, врачебный метод, развитый Фрейдом в конце XIX – начале XX века для диагностики и излечения истерии.

Но самое главное, для чего все было затеяно, – она рассказала, что Фрейд ввел понятие «эдипов комплекс», под которым понимал комплекс детских переживаний, состоящий из влечения мальчика к матери, с ревностью и недоброжелательством по отношению к отцу.

Далее Алиса рассказала миф о царе Эдипе. В плане критики Фрейда позволила себе сказать, что и в самом мифе, и в трагедии древнегреческого драматурга Софокла «Царь Эдип» речь идет о фатальности человеческой судьбы, ее предопределенности, с которой безуспешно пытался бороться Эдип. Она отметила, что Фрейд, однако, увидел в этом мифе свои мотивы.

Хотя против правомерности введения термина «эдипов комплекс» свидетельствует и то, что Эдип не выбирал свою мать в жены, она досталась ему в придачу вместе с городом Фивы, в котором он стал царем, после победы над сказочным чудовищем. А также, убивая своего отца, он не знал, что это его отец. Убийство было случайным.

При этом Алиса констатировала, что термин «эдипов комплекс», тем не менее, прочно осел в психологии и теперь под этим понимается состояние, способное блокировать нормальное половое развитие. Например, молодой человек влюбляется в женщину значительно старше его, которая напоминает ему мать: любовный выбор падает на людей, уже состоящих в браке, поскольку их социальная позиция аналогична позиции родителя.

– Что же касается меня, – Алиса резко сменила академический стиль лекции, – я считаю проявлением эдипова комплекса любой случай, когда мужчина сексуально ориентирован на женщин старше себя более чем на десять лет, какими бы причинами это ни было обусловлено. Поверьте, их множество, и не только из-за ситуации с родителями. У каждой психики свои причуды.

– Почему десять лет? – заинтересовалась аудитория.

– Потому, что люди, рожденные в этих рамках, считаются людьми одного поколения. То есть «братья и сестры», но никак не родители и дети.

Тут Алиса сделала паузу и скользнула взглядом по «секьюрити».

¹² Верификация (от лат. *verus* – истинный и *facio* – делаю) – проверка, эмпирическое подтверждение теоретических положений науки экспериментом.

– Хотелось бы сказать о своем отношении к молодым мужчинам: лично меня они не интересуют. Однако сейчас стало модным даме постбальзаковского возраста...

– А это какой возраст?

– Во времена французского писателя Оноре де Бальзака бальзаковский возраст был примерно тридцать лет. Считается, что словосочетание «женщина бальзаковского возраста» появилось после выхода его романа «Тридцатилетняя женщина». Сейчас, по разным источникам, предполагается, что это возраст от тридцати до сорока. То есть мне сорок два и, значит, я – дама постбальзаковского возраста, так как приставка «пост» означает...

– «После», – отреагировала аудитория.

– Продолжаю... даме постбальзаковского возраста сейчас модно иметь молодого друга, а то и мужа. Особенно это заметно по шоу-бизнесу. Здесь есть объяснение: не все молодые мужья страдают эдиповым комплексом, среди них много и альфонсов. Женщины сейчас по всем статьям наступают на пятки мужчинам. Не надо объяснять, кто такие альфонсы?

– Не надо, – дружно заверещала аудитория. – Мы знаем. Это те, которые живут за счет женщин.

Алиса продолжила:

– В условиях современного растущего феминизма дамы вполне, если они экономически независимы, могут позволить себе любые капризы, как это испокон веку позволяли себе мужчины. Но тут есть одно «но»: общество никогда не будет считать нормой, когда женщина намного старше своего партнера, так как это плохо сказывается на демографии. А все, что может способствовать вырождению, социум не одобряет, хотим мы того или нет! Это общественный закон. Поэтому женщина, желающая связать свою жизнь с мужчиной, который ей может годиться в сыновья, не должна удивляться реакции людей! И потом, природу не обманешь. Рано или поздно молодой муж задумается о детях, и сначала неосознанно, а потом и осознанно начнет обращать внимание на молодых, способных принести ему потомство. И это – уже биологический закон.

Возможно, вы мне скажете: а как же любовь? Безусловно, в жизни все бывает. Но в этих случаях счастливые и долгие браки случаются очень редко. Я знаю только одну такую историю: когда молодой муж одной известной писательницы сказал: «Моя жена как антикварная вещь, чем дальше, тем дороже...»¹³ Но обычно – результат печален. Почитайте хотя бы об Айседоре Дункан и Есенине.

– А Пугачева с Галкиным?

– Ничего не могу сказать, – улыбнулась Алиса. – Время покажет. Здесь много подводных течений, о которых знают только двое...

И тут она посмотрела на «секьюрити». Он сидел с каменным лицом и сверлил ее глазами. Их взгляды встретились... Ничего, кроме злости, в его глазах Алиса не увидела.

После этого он стал сидеть на последней парте, прячась за спины одногруппников. Или ей так казалось... Впрочем, далее все было в рабочем режиме. В затылок «секьюрити» больше не дышал. Алиса старалась не смотреть в его сторону. Баллы этот студент набрал приличные и получил «автомат». Пожалуй, если бы сейчас они встретились, Алиса вряд ли его узнала...

...Однако при словосочетании «эдипов комплекс» в ее голове почему-то всегда всплывали злые глаза «секьюрити», и она испытывала внутренний дискомфорт.

Сегодня дискомфорт усилился неприятным ощущением нелепой несправедливости. Причиной этому являлась записка с фразой: «Философия – бред». Алисе было обидно, что Савинов написал это после лекции, прочтенной, как казалось, очень удачно.

...Она мысленно вернулась в начало занятия: вот она входит в аудиторию твердым шагом. Лицо бесстрастно. Встав за кафедру, делает паузу. Затем говорит:

¹³ Фразу приписывают второму мужу Агаты Кристи, археологу.

– Меня зовут Алиса Львовна Светлова. Дисциплина наша называется «Философия». Запишем название лекции и вопросы к ней.

Такой академизм был нужен при первом знакомстве, особенно на младших курсах. Довольно сухо осветив первые два вопроса и убедившись, что внимание студентов под контролем, она лишь на третьем, «место и роль философии в культуре», начала завоевывать их сердца, по сути дела рекламируя необходимость развития философского мышления. Говорила об адекватности, широте сознания, аналитическом уме, мудрости, в том числе и житейской... И, самое главное, об успешности!

Ее слушали внимательно, смеялись, где это предполагалось, задавали вопросы. «Оратор» была собой довольна. И вдруг: «Философия – бред»!

«Что я делала не так?» – размышляла Алиса.

...Дальше анализировать прочитанную лекцию было некогда – начиналась следующая.

И тут раздался звонок: напомнил о себе ее мобильник. Алиса увидела, что вызывает начальница – Ольга Николаевна, заведующая кафедрой, которая на данный момент была на больничном, но продолжала твердой рукой курировать все дела в подчиненном ей коллективе.

В голове у Алисы зазвучала забавная песенка мышонка из мультфильма:

«Какой чудесный день...»

«Чудо» звонка заключалось в том, что Ольга Николаевна практически никогда не звонила своим подчиненным. У нее для этого были заведующая кабинетом Ирина Георгиевна, которая на кафедре повелевала всей документацией, и лаборант Галя, состоявшая у последней на побегушках. Поэтому Алиса сразу насторожилась.

– Алиса Львовна, я буквально на минутку – знаю, у вас лекция. – Голос у Ольги Николаевны был странно-извиняющийся. Обычно она говорила коротко, сухо, безапелляционно.

– Ничего, ничего, – моментально отреагировала Алиса, – я вас слушаю.

Далее и вовсе началось что-то удивительное. Ольга Николаевна сказала, что ей нужна помощь, что вопрос очень деликатный и что она не хочет, чтобы об этом звонке кто-то знал. И, вообще, она завтра ждет Алису у себя дома в удобное для нее время. Совершенно обескураженная Алиса (ибо ситуацию можно было сравнить только с приглашением на съемки в Голливуд) осторожно спросила:

– Скажите хотя бы, по какому поводу! А то я ночью спать не буду.

И она не шутила. Это было бы действительно так. Когда очень прогнозируемые люди, такие как Ольга Николаевна, ведут себя вопреки привычной линии поведения, это всегда удивляет. А в подобных обстоятельствах – и немного тревожит.

– Просьба касается вашей способности толковать сновидения.

– Это лишь мое хобби.

– Не оправдывайтесь, – как-то очень встревоженно отреагировала Ольга Николаевна, – мне действительно нужна ваша помощь.

– Тогда завтра в 14.00.

– Не забудьте о конфиденциальности моей просьбы! И еще... разговор предстоит долгий.

– Хорошо. – Алиса еще больше насторожилась. – Значит, я на вечер ничего не планирую.

– Хотелось бы..

А студенты уже ждали. Алисе потребовалось жесточайшее усилие над собой, чтобы собраться и отключиться от всех сегодняшних «чудес». Она прочла лекцию по облегченному сценарию, насколько возможно сократила обязательную часть и увеличила долю популизма – не хотелось, чтобы еще кто-то решил, что «философия – бред»!

Глава 3. Красавцы-мужчины

После лекции Алиса пошла на кафедру. Там предстояло очередное заседание. По дороге в соседний корпус почувствовала, что устала. Но идти было надо. Пропускать мероприятие, происходящее раз в две недели, в установленное начальницей время, не разрешалось, даже когда та отсутствовала.

В преподавательской, как всегда, сидели «местные аборигены» – два доцента, работавшие на кафедре еще с советских времен: Максим Петрович и Петр Сергеевич. Максим Петрович, высокий худой старик, был убежденным сталинистом. Надо отдать должное, студентов он своими убеждениями не грузил, но коллегам-преподавателям пускаться с ним в разговоры было опасно: рано или поздно все разговоры склонялись на животрепещущую тему о роли Сталина в истории. Глаза Максима Петровича становились блестящими, на щеках выступал румянец... Далее говорил только он, и выйти из общения несчастному собеседнику было практически невозможно.

Петр Сергеевич страдал другим «милейшим качеством» – он был ухажер. Увидев коллегу женского пола, обязательно близко к ней подходил, брал за ручку и, заглядывая в глаза, начинал говорить дежурные комплименты. При этом сам Петр Сергеевич редко менял рубашки и тем более костюмы и, понятно, парфюмом не пользовался. Хотя Алиса иногда думала, если бы он еще и пользовался парфюмом, то какой бы это был парфюм... и как бы он сочетался с естественной «аурой» Петра Сергеевича, которую так «обоняли» близко стоящие окружающие. Но тот был скуповат, поэтому «страшные» размышления Алисы обычно заканчивались грустной улыбкой – в целом и к одному, и к другому «аборигену» она относилась нормально – жалела этих двух одиноких стариков. Однако появляться на кафедре при отсутствии других женщин было опасно, поэтому, приоткрыв дверь и увидев двух знакомых персонажей, она предпочла дожидаться в коридоре кого-нибудь из коллег, чтобы без дискомфорта войти в преподавательскую.

Очень скоро этими другими коллегами оказались друзья: Кеша и Гоша. «Красавцы-мужчины», а именно такой эпитет закрепила за ними женская половина вуза, появились в конце коридора. В тридцать два года оба были не женаты, что только усиливало интригу. Кеша (для студентов Иннокентий Александрович) стал кандидатом наук раньше и уже работал в должности доцента. Гоша (Георгий Андреевич) защитился позже и только ждал подтверждения из Высшей аттестационной комиссии, что его диссертация прошла все нужные инстанции, поэтому работал еще старшим преподавателем. Когда они совместно пили пиво, Гоша всегда напоминал Кеше о разнице в окладе, изображая Кису Воробьянинова, просящего милостыню. Кеша над ним потешался, но за пиво не платил...

Они действительно обращали на себя внимание. Оба высокие: Гоша – плотный, с необъятными плечами и очень русским лицом – казался еще мощнее на фоне изящного Кеша. Его светлые волосы были коротко пострижены, что позволяло обозревать внушительный атлетический затылок и широкий гладкий лоб. Ясные глаза Гоши смотрели на мир добродушно, как это часто бывает у людей недюжинной физической силы. Однако в этой «бездне добродушия» таился и насмешливый лукавый огонек...

Кеша был неподражаем по-своему – шатен, кудрявые волосы, тонкий нос, пухлые губы. В отличие от былинного Гоши он был воплощением романтической внешности. К «байроновскому»¹⁴ облику добавлялась своеобразная прыгающая походка, при которой Кеша высоко, «как кузнечик», поднимал коленки.

¹⁴ Байрон Джордж Ноэл Гордон, обычно именуемый просто – лорд Байрон (1788–1824), – английский поэт-романтик. По словам биографов, Байрон был хромым.

Ему нравился имидж Чайльд-Гарольда¹⁵, поэтому Кеша любил поговорить с противоположным полом об английской поэзии. Разговоры носили, как правило, характер монолога с чтением стихов типа:

Но вдруг, в расцвете жизненного мая,
Заговорило пресыщенье в нем,
Болезнь ума и сердца роковая...¹⁶

Однажды, наблюдая, как, слушая друга, недоуменно скучает очередная блондинка, Гоша не выдержал. Он усмехнулся, отвел Кешу в сторону и заметил:

– Ей твои речи интересны, как зайцу барабан. Хочешь понравиться – скажи обычный комплимент!

– Фу! Фу! Как примитивно! – моментально отреагировал Кеша. – Что-то я не помню, чтобы ты грешил комплиментами?

– То – я! – парировал Гоша. – Я – не фрачный герой!¹⁷

И, подойдя к блондинке твердой, мужской, уверенной походкой, небрежно бросил:

– Извините, что отвлек вашего собеседника?

– Ничего! Ничего! – залепетала жертва романтической лекции и приняла томную позу.

Не будучи фрачным героем, Гоша, тем не менее, слыл дамским любимцем. Его стиль общения с женщинами был прост: никакой суеты – сами придут и сами все расскажут. Но при этом он был ненавязчиво, естественно галантен: если на заседании кафедры опаздывающей женщине не хватало стула, первым вставал Гоша, уступал место и шел за стулом в соседнюю аудиторию. Причем было не важно, сколько женщине лет. И еще – он ни о ком не говорил плохо. Если беседа скатывалась на личности, Гоша начинал говорить общие фразы, типа: «Все люди разные, у каждого свои тараканы», и тихо ретировался под любым предлогом. Кеша посплетничать любил, мог быть язвительным, но никогда не злобствовал. Вот и сейчас, увидев Алису, моментально отреагировал:

– Чей-то мы в коридоре мнемси? А? Алиса Львовна? Небось, Петр Сергеевич на кафедре?

– Вас жду! – парировала Алиса.

– Куда же вы без нас, – согласился Гоша.

И они вошли в преподавательскую. Петр Сергеевич встрепенулся, буквально выписывая коленца, двинулся к Алисе.

– Алисочка! Как я рад вас видеть! Позвольте снять с вас плащ.

Казалось, его ничто не могло остановить. Даже красноречивое выражение лица своей жертвы.

Но на пути встал Гоша.

– Петр Сергеевич! Я сам поухаживаю за дамой. Ждал этого весь день.

И закрыл Алису своим могучим торсом. Тщедушный ухажер подпрыгнул, попытался обойти Гошу, но на пути встал Кеша.

– Как здоровьице, Петр Сергеевич?

– Нормально! – недовольно произнес старик. – И пошел на свое место, при этом буркнув:

– Верные оруженосцы!!!

¹⁵ Романтический герой Байрона – разочарованный, пресыщенный, скучающий. См. лирическую поэму «Паломничество Чайльд-Гарольда». Считается, Евгений Онегин напоминает Чайльд-Гарольда.

¹⁶ Из поэмы Джорджа Гордона Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда». Речь идет о самом Чайльд-Гарольде.

¹⁷ Фрачный герой (театральный термин) – слишком красивый, неотразимый и аристократичный герой-любовник.

...Алиса долго потом раздумывала над этой фразой. Она не считала своих молодых коллег «верными оруженосцами». Красавцы-мужчины были для нее «мальчишками» и «собутыльниками», во всяком случае, рассказывая о них своим близким, она упоминала эти термины. Причем последний был не только из области юмора. Алиса, Кеша и Гоша после работы иногда заходили в соседнее кафе. Им всегда было о чем поговорить и что выпить, в зависимости от настроения это могло быть кофе, пиво, а то и что-нибудь покрепче... Такое общение началось давно, лет семь назад, когда Гоша и Кеша практически одновременно пришли аспирантами на кафедру. У Ирины Георгиевны тогда был день рождения. Она пригласила весь коллектив к себе домой. Была обильная еда и много выпивки. Ирина Георгиевна любила блеснуть радушием. Алиса, как всегда, в компаниях пила водку. Вино во всех видах ей категорически было нельзя. Однажды, после домашнего вина, с ней случился отек Квинке¹⁸ – пренеприятнейшее явление, делающее веки как у гоголевского Вяя, уши как у статуи с острова Пасхи, а шею – как у черепахи Тортиллы. Попав два раза в больницу, Алиса вынуждена была отказаться от вина. Коньяк и прочие изыски она пила, только будучи уверенной, что все это хорошего качества. Качество никто не гарантировал, поэтому Алиса чаще всего себе позволяла выпить рюмочку водки, особенно, как говорил герой Чехова, когда ее, «мамочку, наливаете не в рюмку, а в какой-нибудь допотопный дедовский стаканчик из серебра, или в этакий пузатенький с надписью "его же и монаси приемлют"»¹⁹. А иногда и не только рюмочку... Тем более что обладала удивительным свойством практически не пьянеть.

Вернее, то, что с Алисой происходило, если она вдруг перепивала, было ни на что не похоже. Второго такого человека, который бы так реагировал на алкоголь, она не встречала. Ни после первой, ни после второй рюмки Алиса ничего не чувствовала. Третья могла дать легкое воодушевление. И не больше... Обычно на третьей все заканчивалось. Но несколько раз она отвлекалась и теряла рюмкам счет... В ее физическом состоянии ничего не менялось: говорила четко, мыслила трезво, была обаятельной и привлекательной, но если рядом стоящий шкаф вдруг начинал слегка качаться – это был опасный симптом. Качался он всего секунду, но Алиса знала точно – пора бежать домой. Это было настоящее чувство Золушки при бое часов: «вот-вот карета превратится в тыкву».

Добравшись до дома, она хватала тазик и запиралась в своей комнате. Всю ночь потом хотелось кричать: «Добейте меня, братцы!» Было ужасно стыдно показаться на глаза домашним. Слово «опохмелиться» звучало как приговор. Алиса буквально травилась алкоголем. И пока организм до последней молекулы не выбрасывал «отраву», не становилось легче. Только к часу следующего дня появлялось робкое желание чего-нибудь поесть и выпить сладкого чая. В том момент Алиса давала себе клятву никогда... никогда... никогда больше не пить! Надо отдать должное, что такие происшествия случались раз в десять лет. А после сорока и вовсе она стала аккуратнее в возлияниях. Вот и в тот раз, на дне рождения Ирины Георгиевны, Алиса была после третьей рюмочки... в хорошем настроении.

...После мероприятия Кеша и Гоша вызвались ее проводить. По малолетству они не вызвали у Алисы опасения, их поведение ничем ее не настораживало, как это было, например, когда такое желание высказывали мужчины-сверстники. В состоянии воодушевления лица «мальчишек» показались чрезвычайно милыми, и она решила подвести их к своему дереву, тем более что дорога шла мимо. Это дерево было из детства. Здесь когда-то, еще с XIX века, стояло Алисино родовое подворье. Несколько домов. Потом их снесли и построили хрущевки. А дерево осталось. Старый клен. По семейному преданию, его посадила прабабушка, о которой много рассказывала бабушка Катя. При каждом удобном случае правнучка подходила

¹⁸ Отек Квинке (описан в 1882 году немецким врачом Г. Квинке) – внезапный органический отек кожи, подкожной клетчатки, слизистой оболочки, чаще на лице. Держится от нескольких часов до нескольких дней. Проявление аллергии.

¹⁹ А.П. Чехов. Рассказ «Сирена».

к дереву и касалась его рукой. Если никто не видел, обнимала ствол, приложив ухо к старой коре: представляла старинный двор с ноготками и бархатцами, прабабушку Таню, сидящую на лавочке возле аккуратного крыльца.

Алиса и в тот раз сделала то же самое, тихо сказав:

– Это семейное дерево. Когда-то здесь стояли наши дома.

Мальчишки почтительно замерли рядом.

– Расскажите подробнее, – наконец попросил Кеша.

– Потом, когда будем трезвые, – тихо сказала Алиса.

И тут над ее ухом раздалось:

– Обалдеть! Баба дерево обнимает, а два мужика рядом стоят!

Алиса оторвалась от дерева, резко обернулась и увидела рядом милиционера, как бы сейчас сказали – полицейского. Причем он был явно не трезв.

– Я тут домой иду... И вижу... Дерево обнимает... Тебя согреть, красавица? – пробормотал милиционер.

И кинулся к Алисе.

Той стало страшно. И она спряталась за Гошу.

– Командир! Это семейное дерево предков, – важно вступил в разговор Гоша, заслонив собой Алису.

– Дерево-предок!!!! – изумился милиционер.

Потом они долго объясняли ему ситуацию... Он тоже сказал, что идет домой от «корешей». Стал приглашать к себе. В результате все хором спели: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед!..» И разошлись. Милиционер двинулся своей дорогой. А Гоша и Кеша проводили Алису домой.

Прошла неделя. Ни того ни другого она не видела. Их занятия не совпадали.

У Алисы было много своих забот: сын готовился к поступлению в институт, у дочери случилась первая любовь.

В общем, она очень удивилась, когда, после окончания последней лекции, увидела в аудитории Гошу и Кешу.

– Мы пришли слушать про дерево! – заявили они.

– Да, собственно и рассказывать-то нечего, его посадила моя прабабушка, – обескураженно начала Алиса.

– Ладно, ладно, – засуетился Гоша. – Все подробности в кафе.

По причине занятости Алисы договорились на послезавтра: после занятий попить кофе. Так началась их дружба. Они встречались, вели умные разговоры, прикалывались, куражились... Ситуация не казалась Алисе двусмысленной, «мальчишки» ни разу не поставили ее в неловкое положение. Всегда обращались на «вы» и по имени-отчеству. Она по старшинству позволяла себе фамильярничать, называя одного «Гоша», другого «Кеша». Со временем поняла, что Кеша может быть нудным, а Гоша капризным.

Кешу воспитывала авторитарная мама, с которой он жил до сих пор, поэтому сидром отличника и человека, который должен все делать как положено (а это значит – как он сам понимает), засел в нем накрепко. Иногда Алиса прогуливалась то с Кешей, то с Гошей, если занятия у всех троих не совпадали. Заходить в магазин с Кешей было опасно: он комментировал все покупки. Если хотелось купить сладкий шоколад, а Кеша настаивал на горьком, Алисе приходилось уступать. Иначе ее ждала нудная лекция о вреде сладкого шоколада. Кеша все знал... О чем бы ни шел разговор на кафедре, он всегда вставлял свое веское слово.

Гоша жил в институтском общежитии. О своей семье не распространялся. Однажды Алиса стала ему говорить о своих доверительных отношениях с детьми. Рассказала о дочери, которая была на нее похожа и тем радовала. Когда заговорила о сыне, которого, чтобы «поце-

ловать в макушечку, надо встать на табуреточку», вдруг почувствовала, что Гоша напрягся, нахмурился и попытался перевести разговор на другую тему.

«Видимо, его детство было другим», – решила Алиса и старалась больше о своей семейной жизни не рассказывать. Она, вообще, многого не касалась в общении с «мальчишками», особенно материальной стороны. Свои семейные приобретения с ними не обсуждала. С самого первого раза, с разговора в кафе о дереве, поставила условие: «За себя плачу сама!». Друзья пытались заплатить за даму, но та стояла на своем. Здесь было две причины: первая – Алиса понимала, что на зарплату тогда аспиранта, а потом и доцента особенно не наугощаешься. А вторая – Алиса любила поесть: заказывала много, на цену не смотрела, поэтому думать о том, хватит ли у «кавалера» денег, она не собиралась.

Со временем все к этому привыкли. И к занудству Кеша Алиса привыкла, и к Гошиным капризам – тоже. Когда Кеша «держал речи», она внимательно слушала, когда Гоша начинал капризничать – не возражала. Хотя иногда очень хотелось. Вот, например, собрались они с Гошей попить пива.

– Куда пойдём? – спрашивала Алиса.

Если коллега был в хорошем настроении, они сразу находили достойное место. Если нет, он бормотал:

– Пойдемте... Сейчас решим... Решим...

И это значило, что в ближайший час они будут бродить. Ибо в одном заведении – «невкусно», в другом – курят. Глаза у Гоши в этот момент темнели, добродушие в них исчезало, он кривил губы. И Алисе казалось, что приятель вот-вот по-детски топнет ножкой. Наконец, когда они обретали нужную гавань, Гоша мог цепляться к официанткам, по причине плохого обслуживания. Обычно это было связано с очередной барышней, которая разочаровала Гошу. А он ждал великой любви! Так и ответил однажды на вопрос Алисы: почему он не женится?

– Мне нужна любовь! Я не хочу, как мои женатые друзья, через энное количество лет ненавидеть друг друга, а жить вместе.

– Ты уверен, что она придет? Может, ее не будет никогда, – возразила Алиса.

– В твоём возрасте пора трезво подходить к этому вопросу. На мой взгляд, надо уже торопиться и искать для себя просто комфортного человека.

– Как ваш муж? – вдруг обозлился Гоша.

– Почему ты так решил? – растерялась Алиса.

Но Гоша, как всегда, перевел разговор на другую тему. И ответа на свой вопрос она не получила.

В остальном молодые коллеги были милейшими «мальчишками» и «собутельниками». Причем собутельниками отменными. Мужчины редко пьянеют красиво, кто начинает «надувать зоб», по принципу: «здесь каждый суслик-агроном», после чего потоку хвастливых речей не бывает конца, кто начинает навязчиво ухаживать, норовя схватить за филейную часть, кто просто становится агрессивным. Но самое обременительное для компании – это в стельку напивающиеся, которые не помнят свой адрес, а все остальные его просто не знают...

Гоша и Кеша, в отличие от остальных, в состоянии подпития, фонтанировали юмором. Подначивали друг друга, прикалывались и куражились, чем очень веселили окружающих. Вечер, проведенный с ними, был похож на вечер в «Comedy Club». Присутствие «красавцев-мужчин» на корпоративных вечеринках особенно ценили. При этом они не напивались. Алисе это очень импонировало. И еще – она чувствовала, что находится под почтительной защитой.

После заседания кафедры Алиса зашла в магазин, купила себе «вкусенького»: пиццу с грибами и гроздь небольших бананов. Когда рядом не было семьи, она не готовила. И практически без сил добрела до квартиры. Машинально поужинала, затем, уютно устроившись с котом на диване, попробовала посмотреть сериал, но так и не смогла сосредоточиться на сюжете оче-

редного телевизионного «шедевра» – ее беспокоила мысль о завтрашнем посещении начальницы...

...Ольга Николаевна Некрасова – заведующая кафедрой, доктор философских наук, профессор – была женщиной далеко за шестьдесят. Тем не менее она очень следила за своей внешностью. Упрекнуть в отсутствии вкуса начальницу было нельзя. Она слегка подводила глаза, отдавая особое предпочтение губам – всегда четко выделяющимся на узком лице. Тщательно уложенные черные волосы в сочетании с яркой помадой и карими глазами делали ее эффектной. И это была не раскрашенная смешная старость, а особенная, мудрая, очень зрелая стильность. На свой возраст Ольга (так называли ее за глаза на кафедре) выглядела только в редкие неудачные дни, когда она не высыпалась или болела. Обычно больше пятидесяти пяти начальнице никто не давал. А со спины она выглядела на сорок, благодаря стройной художавой фигуре и прямой осанке, которую сохранила, несмотря на солидный возраст. Но самое главное, за что нравилось ее разглядывать, – это манеры, походка, особенная жестикуляция... В них было столько достоинства, чувства меры и грации! Портило Ольгу только бесстрастное, холодное, а порой и жесткое выражение лица. Улыбалась она редко, хотя зубы у нее, как у многих людей ее возраста, были искусственно-замечательные. Говорила начальница тоже мало, что было странно для «философа», и всегда – по сути. Но если уж бралась что-либо рассказывать, то делала это затейливо. Казалось, что она не рассказывает, а *читает рассказ*, как это бывает на радио или эстраде. Пожалуй, в «выступлении» часто не хватало эмоций, но речь лилась легко, неторопливо, плавно...

О ней любили посудачить. Поводом были ее всегда безупречный внешний вид и... долгий роман с академиком Алексеем Петровичем Добровольским. Давний ухажер Ольги – плотный, высокий, румяный академик – стариком не казался, хотя был постарше своей дамы. Имея бесчисленные связи в научных журналах, он покровительствовал кафедре по части важных публикаций. Он часто заходил в кабинет к Ольге, порой с букетом роз, всегда красных. Они пили чай, потом ухажер важно удалялся. Поговаривали, что они ездили вместе отдыхать, и вообще, как говорила заведующая кабинетом Ирина Георгиевна:

– Наша Ольга любой молодой сто очков вперед даст...

А Ольга смотрела на своего поклонника иронично, но с нежностью... И это был один из немногих редких случаев, когда начальница меняла выражение лица.

Поскольку академик был вдовец, а о муже Ольги знали только то, что он *был*... разговоры о милой парочке носили, как правило, добрый характер. Все ждали, когда же они станут жить вместе. Тем более что если Алексей Петрович жил с семьей дочери, то квартирный вопрос у Ольги был решен – она жила в хорошей однокомнатной квартире в центре города.

...На следующий день, ровно без пяти минут два, Алиса стояла возле двери нужной квартиры и думала: «Интересно, в чем меня встретит хозяйка? Неужели в халате?»

Ольга Николаевна открыла дверь быстро. От обычного «рабочего» вида ее отличали домашние тапочки. А так – ничего нового: темный брючный костюм, кремовая тонкая блузка, даже губы накрашены.

– Входите, Алиса Львовна! Я вас жду.

...Квартира была дизайнерской. Классический стиль: большая кухня-гостиная с круглым столом и дорогими стульями, отгороженная от холла колонной. На противоположной от кухонного гарнитура стене – имитация камина, причем хорошая. Над камином – картина.

Возле нее Алиса остановилась:...голубые небесные разводы, похожие на радугу, летящие купола храма, утонувшие в синих потоках дождя. В углу картины, в тонкой пелене воды, стоит спиной хрупкая темноволосая женщина и смотрит на храм. Думает, наклонив голову.

– Это – «Полночный дождь», – сказала Ольга, – картину нарисовала очень талантливая девушка. К несчастью, почти слепая.

– Да? – удивилась Алиса.

– Когда-то давно я преподавала в училище искусств. И у меня была студентка: беленькая-беленькая... У нее даже ресницы были похожи на снежинки. Она с трудом читала и писала. Однажды, проходя мимо ее стола, я увидела несколько ее рисунков, лежавших рядом с тетрадкой, в которой «снегурочка» через лупу записывала лекции. Рисунки меня заинтересовали.

Я попросила студентку воплотить один из них в большую картину. Подумала, что та отлично впишется в мой интерьер.

– Кто придумал название картины – «Полночный дождь»? Хочется понять смысл...

– Автор. Но я называю ее по-разному: иногда – «Сомнение», но чаще – «Ушла».

– Почему?

– «Полночный дождь» – картина-трансформер. Если смотреть с этого ракурса, то видишь женщину, смотрящую на собор. Вот – изгиб шеи. Это – «Сомнение»: она еще думает, идти к храму или уйти прочь...

– Ну да! – подтвердила Алиса.

– А если с этого ракурса, – Ольга отошла к колонне, – видите силуэт, размытое лицо, поднятую руку? Словно она взмахом руки подтверждает свое решение уйти... И уходит.

Алиса подошла к колонне и вновь взглянула на картину.

– Я ничего нового не вижу.

– Вглядитесь!

И тут Алиса увидела. И удивилась.

– Действительно – ушла! Только от кого? От Бога?

– От мечты, от любви, – усмехнулась Ольга. – Кто как интерпретирует.

– Вот уж действительно, смотрим все на один объект, а видим разные вещи...

И это наяву! Как часто люди спорят, думая, что имеют в виду одно и то же, а на самом деле что для одного «еще», то для другого «уже»...

Тут внимание Алисы привлекла небольшая репродукция, висевшая в старинной рамке рядом с «Полночным дождем». На ней в темном небе летела вполне земная, изящная женщина. Ее обнаженная фигурка была едва прикрыта прозрачной тканью, похожей на дымку. Лицо спряталось в высоко поднятых руках, сцепленных над головой.

Фигурка была так незащищена и одинока в безотрадной ночи, что у Алисы сжалось сердце. Она не могла оторвать глаз от картины.

– Это репродукция из дореволюционного журнала²⁰, – сказала Ольга. – Мама ее очень любила. Сколько себя помню, столько и помню эту «женщину».

– У нее есть название? Автор?

– Не знаю.

– Очень интересно... – Алиса по-прежнему не отрываясь смотрела на репродукцию. Затем едва слышно сказала: – Это не просто женщина... Это *душа* ночью летит в холодном пространстве... Куда? Зачем?

– Алексей Петрович называет картину «Парящей» и считает, что в ней есть что-то мистическое, – неожиданно буднично отреагировала начальница и спросила: – Вы любите живопись?

Алиса наконец оторвалась от репродукции, рассеянно посмотрела на хозяйку. Затем, «очнувшись», сказала:

– Отчасти... У меня дома небольшая коллекция авторских работ. Преимущественно пейзажи.

– Было бы интересно посмотреть, – быстро проговорила Ольга и тут же по-деловому распорядилась: – Присаживайтесь! Угощайтесь!

Алиса присела на стул с высокой спинкой и увидела на столе хороший коньяк.

²⁰ Е. Брунгал. «Ночь». Репродукция из журнала «Пробуждение» (1915).

«Прямо-таки дружеская беседа! – промелькнуло у нее в голове. – Как это не похоже на Ольгу. Мне казалось, что она вообще ничего не пьет, кроме чая».

– Иногда, очень редко, когда взволнована, – прочитала мысли хозяйка. – А сегодня такой день!

– Ольга Николаевна! Проясните ситуацию! – взмолилась гостя.

– Не могу! Она – экзотическая, невероятная и двусмысленная, поэтому, прежде чем я приступлю излагать события, непосредственно имеющие к ней отношение, я должна исповедаться...

У Алисы изумленно полезли брови на лоб.

Ольга подошла к столу и налила две рюмки коньяка.

– Про ваши неприятности с аллергией я слышала. Коньяк отличный. Конфеты из Америки. Там живет мой сын с семьей.

– Я знаю! – пролепетала гостя. – Вы берете меня в духовники?

– Не обольщайтесь. – Ольга пригубила рюмку. – Просто, чтобы у вас не создалось обо мне ложного впечатления, я должна «кое-что» о себе рассказать. И это «кое-что» – не лучшие мои воспоминания. Но выхода нет. Хотя... Может быть, и к лучшему! Видимо, я должна об этом кому-нибудь рассказать. И хорошо, что это вы.

– Почему?

– Вы – порядочный человек.

– Я рада, что обо мне так думаете.

– И вы можете мне помочь! – продолжила Ольга.

Начинайте излагать, – мягко, но твердо сказала Алиса и прикоснулась к рюмке, сделала глоток коньяка, потом другой, отметив затем, что конфеты очень вкусные.

Ольга на секунду замолчала, потом начала рассказывать. Как всегда, обстоятельно.

– Я родилась сразу после войны. Мне шестьдесят семь лет.

– Вы выглядите намного моложе, – отреагировала гостя.

Начальница как должное приняла «замечание».

– Отец был, по ранению, демобилизован в сорок третьем. И вскоре после моего рождения умер. Меня воспитывала мама – учительница русского языка и литературы.

«Что-то это мне напоминает, – подумала Алиса, – только у меня были еще бабушка и дедушка, а родители развелись...»

Ольга посмотрела на гостью. Взгляд был грустный.

– Еще коньяку?

– Нет, нет. Я внимательно слушаю.

– Маму я очень любила. Она привила мне любовь к балету. Отдала в балетную школу, которую потом пришлось бросить из-за слабого здоровья, но «выправка» осталась у меня на всю жизнь...

«Вот откуда эта спина и манеры», – подумала Алиса.

Но вслух ничего не сказала. Тем более что Ольга уже продолжала свой рассказ:

Я хорошо училась. Так хотелось маме, а мне было не сложно. Золотая медаль дала мне возможность без проблем поступить в вуз. Мальчики меня интересовали, но я их ужасно боялась. Мама часто повторяла, что я должна быть осторожна – никаких отношений до свадьбы. Наше поколение было другим. И я училась, училась, училась... Ухажеров не было. Подруг, которые могли бы меня научить уму-разуму, – тоже. А с приятельницами на щекотливые темы я не разговаривала. В моей жизни было все как положено: когда сын маминой подруги обратил на меня внимание, наши матери все сделали для того, чтобы мы поженились. Вскоре родился сын. Муж стал делать карьеру. Я тоже поступила в аспирантуру. Жизнь была понятной, достойной, привычной. К сорока годам, с обывательской точки зрения, я считалась успешной женщиной. Мы только что с мужем вернулись из-за границы. Его назначили директором завода. Я защи-

тила кандидатскую диссертацию, преподавала в вузе. Просторная квартира, личный шофер, достаток. Сын поступил в столичный вуз. Для правильных, прогнозируемых людей размеренная приличная жизнь – самая благодатная почва. И плохо, если судьба, перетасовывая карты, ввергает такие рациональные души в смятение. Дело все в том, что мужчины никогда не задевали меня настолько, чтобы я из-за них переживала. Как я понимаю теперь, чувственность моя спала, что превращало интимную жизнь с мужем в обязательную процедуру, без которой я вполне могла обойтись. Смешно, но супруг почему-то оказывал мне знаки конкретного внимания, когда я была совершенно не настроена, на подобного рода общение. Хотя я не воспринимала это как личную трагедию. Мама как-то умудрилась мне внушить, что мужчины дело хлопотное, а в определенных случаях вообще способны отравлять существование. Муж, надо сказать, не был человеком темпераментным, поэтому я много на деликатную тему не рассуждала. Что греха таить, мне больше нравилось наряжаться, покупать себе редкие по тем временам импортные вещи. Выглядела я хорошо. Директорская жена!

Она рассказывала, а Алиса себе представляла... Вот Ольга, молодая, яркая, стройная, холеная, идет по коридорам вуза. Мужчины, наверное, головы сворачивали!

– Самое удивительное, что поклонников у меня не было. Хотя я думаю, что не замечала многого. Взгляд у меня тяжелый, пристальный. Кокетничать я не умела. Мужчины робели в моем присутствии. А уж прикоснуться и вовсе никто не осмеливался. И поэтому тем было удивительнее, когда на вечере, посвященном Новому году, за мной увязался (именно увязался, как мне тогда показалось) один молодой коллега, только что закончивший вуз. Он вызвался меня проводить. Я, заинтригованная такой ситуацией, даже отпустила шофера с машиной, которую прислал муж. Под предлогом – «решила прогуляться». Шел снег. Было очень красиво. Мальчик семенил рядом. Я потешалась в душе: нашла кавалера на пятнадцать лет моложе! Забавный эпизод, как мне казалось! Виктор, так звали моего спутника, в отличие от меня был в легком подпитии, поэтому храбро взял меня под руку и прижался к моему боку. Громко о чем-то заговорил. Я высвободилась, возмущившись такой наглостью, и стала ловить такси. Тогда это занятие было неблагодарным, поэтому процедура затягивалась. Своего провожатого, который топтался рядом, я презрительно не замечала...

«Послушайте! – вдруг громко сказал он. – Я вас люблю. Давно! Наблюдаю за вами! Вот осмелился подойти.»

Я опешила. Мне никто не объяснялся в любви. Муж в свое время сказал просто: «Будь моей женой» – и все...

Наконец-то подъехало такси! Я презрительно бросила ухажеру:

«Вы в своем уме?!!» – и умчалась домой.

Дело в том, что в состоянии крайнего волнения я становилась заносчивой и надменной, внешне очень равнодушной, словно это меня защищало!

История выбила меня из колеи настолько, что я не знала, как себя вести, поэтому старалась с Виктором на кафедре не встречаться. Меня обуревали противоречивые мысли.

«С одной стороны, – думала я, – выпил лишнего, наболтал... Подумаешь, стоит ли на это обращать внимание! При встрече с ним буду подчеркнута холодно-вежлива и сделаю вид, что ничего не произошло».

Но сразу заползала другая мыслишка:

«Почему он это сделал? И не сильно пьян был. А вдруг это действительно чувства?»

В общем, я стала о нем думать.

Долго не сталкиваться с молодым коллегой мне не удалось. Однажды он пришел на кафедру, молча сел за свой стол и опустил глаза. Я равнодушно, тяжелым своим взглядом, посмотрела «сквозь него». Весь вид Виктора говорил о раскаянии, грусти, если не сказать тоске. У меня сжалось сердце. Посидев три минуты, он выбежал из кабинета. Я почувствовала себя неловко.

«В чем человек виноват?! – пронеслось в голове. – В том, что признался мне в любви?!!»
Так я и досидела до начала лекции, коря себя за такое поведение.

На следующий день я застала его общающимся с нашей молоденькой лаборанткой Людой. Люда приехала из села, училась на заочном, обладала большим бюстом и «редкой», навязчивой общительностью. Вот и в этот раз болтала она, а Виктор односложно отвечал на вопросы. Он сидел ко мне вполоборота, и я могла его хорошо разглядеть. Надо сказать, что до этого я его не замечала. Он пришел к нам работать в начале семестра, наши занятия не совпадали, поэтому видела я его только на заседаниях кафедры и коллективных мероприятиях, типа дней рождения. Вернее, не видела. То есть – я не фиксировала его присутствие. Был он или не был – моему сознанию это было неизвестно. Сейчас же я отметила про себя, что у него правильный мужественный профиль, породистая форма головы и очень гладкая, молодая, смуглая кожа... Видимо, взгляд мой стал пристальным. Виктор обернулся и «зыркнул» на меня испытующе, словно спрашивал... Я опустила глаза. Потом подняла. Наши взгляды встретились. И я постаралась сделать выражение лица располагающим.

Спросите, что мной двигало? Не знаю! Придя домой, я все вспоминала полоску кожи над воротником его рубашки, внизу под ухом. И это меня волновало. Почему я не запретила себе этих мыслей? Видимо, они были слишком новыми для меня. Да и не хотелось себе запрещать думать о нем.

Ну не переживать же снова о том, что скажет муж о моих котлетах! Я так устала от *кухонных* размышлений. Потом стало страшно. И стыдно! Муж сопел рядом. Привычный ночник освещал привычный удобный интерьер. Я взяла руку мужа в свою. Он не проснулся.

«Хватит! – решила я. – Дурь все это. Не хватало еще сомнительных приключений на мою голову».

Однако уснуть мне не удалось. И только после таблетки снотворного я провалилась в беспокойный сон. Утром муж меня спросил:

«Что это ты металась всю ночь?»

Я растерялась и ляпнула первое, что пришло в голову:

«Вареников на ночь наелась».

«Жрать надо меньше!»

У меня от неожиданности перехватило дыхание. Раньше он не позволял себе быть таким грубым! Настроение было испорчено. Но я подумала о Викторе, и на душе стало легче. Вспомнилось:

«Я вас люблю... Давно! Наблюдаю за вами! Вот... осмелился подойти...»

И я с радостью побежала на работу. При этом отметив, как важно, когда есть в коллективе человек к тебе неравнодушный. Насколько стало интересно жить! Теперь-то я понимаю, что наши отношения украсили бы мою жизнь только в одном случае, если бы они остались в виде легкого флирта, тонуса... Во всяком случае, теперь я за служебные симпатии только на этой стадии. Тогда я ни о чем не думала. Мне просто хотелось видеть Виктора. Видимо, я оживилась, когда он зашел на кафедру. Он это почувствовал и спросил:

«Как дела?»

«Нормально», – ответила я и смутилась...

Думаю, что он это заметил. Потому что через неделю, после окончания своего последнего занятия, когда я уже решила, что все себе придумала, увидела его спортивный силуэт в конце коридора. Виктор сорвался с места и с какой-то восторженной радостью кинулся ко мне:

«Ольга Николаевна! Как я рад вас видеть!»

«И я рада!»

Странно, но эти слова произнеслись мной легко и непринужденно, словно это была не я – чопорная, холодная директорская жена!

...Мы пришли с ним в маленькую кулинарию. Тогда были такие редкие «оазисы» с круглыми крутящимися высокими стульями. Пили кофе, смеялись. Я с тех пор очень люблю кофейный запах! И его нога касалась моей: ненароком, случайно и так волнительно. В общем, жизнь моя стала странной: я жила от встречи до встречи на этих крутящихся стульях. Как же я ждала наших удивительных встреч, наполнивших мою жизнь особым смыслом! Мне нравилось, что мой молодой кавалер подчеркнуто демонстрирует свое *особенное* отношение ко мне. Нас разглядывали. Я чувствовала себя красавицей! От раза к разу, в словах, Виктор становился все откровеннее. Говорил, что я необыкновенная женщина, что не встречал таких никогда, что влюбился, что наши встречи для него много значат!

Ольга сделала паузу, на ее щеках играл легкий румянец. Выражение лица было мечтательное... Казалось, она заново все переживает!

Гостья тоже молчала. Ей не хотелось спугнуть это выражение лица.

«Кто бы мог подумать, – лишь пронеслось в голове у Алисы, – что я увижу сухаря Ольгу в таком ракурсе».

А та уже продолжала дальше:

– Хотя встречались мы не часто: когда он считал нужным и всегда на людях.

– Странно, – проговорила Алиса, наконец решившись вклиниться в монолог Ольги.

Та усмехнулась:

– Я тоже, несмотря на всю свою неискушенность в вопросах взаимоотношений полов, стала через какое-то время задумываться над этим. Тем более что был очень настороживший меня эпизод. Однажды увлекшись разговором, я уронила на пол кошелек с деньгами. Мы нагнулись одновременно и... буквально встретились губами...

Она сделала паузу.

– И что? – Алисе не терпелось узнать, что было дальше, хотя она уже начинала задаваться вопросом: зачем эта закрытая, сдержанная, немолодая женщина все это рассказывает.

– Он отпрянул, поджав губы! Я постаралась убедить себя, что это от неожиданности. Не стала размышлять на эту тему. Мне так хотелось поцеловать его в то место под ухом... Казалось, вот-вот все случится! Ведь он меня любит! Потом мои фантазии стали более конкретными. И я поняла, что ситуация меня изматывает. Отношения с мужем становились все прохладнее, да меня это и устраивало. Совсем измучившись, я поделилась проблемой (естественно, не называя имен и максимально абстрагировавшись от возможных точек соприкосновения) со своей приятельницей из другого вуза. «Слушай! Может, он импотент?» – сразу предположила она.

– Или «голубой», – добавила Алиса.

– Тогда мы такого термина не знали, – усмехнулась Ольга.

– Но зачем тогда было в любви объясняться?

– Нас с приятельницей это тоже сбивало с толку. Наконец мы решили, что он очень робкий и очень меня любит, поэтому боится остаться со мной наедине, так как мой уровень требует его очень «высокого уровня».

Тем временем Виктор исчез. Вернее, перестал появляться на кафедре и даже на первомайскую демонстрацию не явился, что в советское время считалось проступком. Просто проводил занятия в учебных аудиториях и тут же уходил. Я не находила себе места. И наконец решила его найти, что было несложно, зная расписание.

...Через закрытую дверь раздавался его бодрый голос. После звонка Виктора обступили студенты, особенно было много студенток. Я вошла в аудиторию, присела за стол около двери и стала ждать, когда он освободится. Мне показалось, что он нарочно затягивает разговор, потому что сидела я очень долго. Наконец последняя из студенток произнесла елевым голоском:

«Пока!»

И удалилась, покачивая бедрами.

«Виктор!» – Я встрепенулась, поднялась ему навстречу.

Но он быстро пошел мимо, так быстро, что, выбравшись из-за стола, мне пришлось его догонять. Я схватила его за руку. Он остановился.

«Что?!»

Сколько холода было в этом «что»!!!

«Я тебя чем-то обидела?» – залепетала я.

«Нет. Просто я занят. Оставь меня в покое! Надоело!» – Он вырвал руку и ушел.

Я проплакала всю ночь. Тихо, беззвучно, просто по лицу текли слезы. Очень боялась, что увидит муж. Но он оптимистически храпел. Я решила, что больше не позволю унижать себя какому-то мальчишке!

Когда мы столкнулись с Виктором в институте, я, собрав всю волю в кулак, прошла демонстративно мимо, бросив ему равнодушно:

«Здравствуйте».

! Здравствуйте!» – вызывающе весело полетело мне вслед.

Я не оглянулась. На кафедре он подчеркнуто близко подошел к Люде. Та захихикала и что-то стала ему шептать, практически прижавшись бюстом к его плечу. Меня не замечали. Я усмехнулась, изображая понимающее ироничное равнодушие. Хотя чего мне это стоило! Подошла к зеркалу. Оно висело так, что Виктор не знал, что я вижу его лицо. И я была потрясена: он смотрел мне вслед с такой злобой! Лицо его было перекошено отвратительной гримасой. Казалось, «мой кавалер» готов был вцепиться в меня и, если бы мог, размазал по полу. Я резко обернулась. Он тут же переменял выражение лица, изобразив пристальное внимание к Люде. От неожиданности я выбежала с кафедры. И долго не могла прийти в себя от увиденного. Еще бы! Прекрасный принц превратился в злобного тролля! Мне было очень плохо. Я не понимала, что происходит.

Однажды, ненароком взглянув уже на *себя* в зеркало, пришла в ужас: худая, с тусклыми глазами... Я поняла – надо что-то делать! Позвонила своему парикмахеру. Потом массажисту. Хорошо, что муж оказался в хорошем настроении... Я уснула без снотворного. На кафедре теперь старалась не появляться. Потихоньку обида и тоска стали отпускать. Но тут случился день рождения одной из коллег. Не идти было нельзя. И я пошла, нарядившись в свой лучший наряд. Отметив про себя, что Виктора нет, я успокоилась. Но он пришел позже. Сразу же сел рядом со мной и... прижался ногой к моей ноге. У меня перехватило дыхание. Я не смогла отодвинуться! Я чувствовала его! И сходила с ума...

«Прости!» – прошептал он мне на ухо.

А я больше всего боялась, что коллеги увидят, чем мы занимаемся под столом, потому что я сняла туфлю и стала гладить ногой его ногу! Он пил, ел, говорил дамам комплименты и довольно улыбался. Потом встал, сказал, что его ждут, и ушел. Я так и осталась сидеть полуразутая...

– Моральный садизм! – пробормотала Алиса.

– Не то слово! – усмехнулась Ольга. – Но это еще не конец.

Я дошла до того, что стала звонить ему домой, на квартиру, которую он снимал. Он мог не брать трубку, а если брал, то говорил: «Позвоните через пятнадцать минут». Я покорно ждала, когда пройдут пятнадцать минут, набирала номер, но он не подходил к телефону. Или обещал: «Я перезвоню...» – и не звонил. А я часами ждала, нервничая, что может взять трубку муж. Мне больше всего хотелось, чтобы Виктор просто поговорил со мной, объяснил, что происходит, потому что, стоило мне перестать звонить, он сразу же объявлялся на кафедре, старался близко подойти, сесть рядом, коснуться меня! Долго так продолжаться не могло. Однажды муж уехал в командировку. Сын учился в другом городе. Я металась! Мне было стыдно! Но я очень хотела видеть Виктора. Наконец не выдержала, дождалась конца его занятий и вылепила с ходу:

«Хочешь посмотреть, как живет директорская жена? Муж в командировке...»

Несмотря на то что вид у меня был дикий, он согласился. Не помню, как мы ехали в такси. Не помню, как я накрывала на стол. Помню, он, с огромным любопытством, с каким-то торжествующим видом, ходил и разглядывал квартиру, обстановку, особенно хрустальную люстру... Наконец Виктор, выпив несколько рюмок и с удовольствием закусив, спросил:

«Где супружеская опочивальня?»

Стал снимать с себя рубашку. У меня от страха подкосились ноги. Медленно, еле переступая, я повела его в спальню.

Алисе стало неловко. Перспектива слушать рассказ о сексуальных забавах зрелой женщины с молодым любовником ее смущала. При других обстоятельствах, возможно, она бы и послушала «клубничку», но в исполнении Ольги Николаевны подобного рода «откровения» представлялись кошунственными.

«Хотя... – подумала гостя. – Она тоже живой человек!»

Эти мысли, видимо, отразились на ее лице.

– Не торопитесь с выводами! – грустно констатировала начальница. – Финал будет более чем оригинальным.

И продолжила рассказ:

– Виктор, голый до пояса и в джинсах, со всего размаху прыгнул на нашу широченную кровать. Покачался. «Класс!» Я стояла, переминаясь с ноги на ногу. «Ты первая в ванную?» – хитро сказал он.

...Когда я вернулась в спальню, он спал, раскинув руки по кровати: мускулистый торс, смуглая желанная кожа... Я не стала будить, только нежно гладила «молодого античного бога», как мне тогда казалось. Прижималась к нему с такой любовью, то и дело замирая от переполнявших чувств! Думала, вот-вот он проснется. Мысли мои путались. Потом меня стало трясти...

– Не пытались стянуть с него джинсы? – осторожно спросила Алиса. – Не осмелились?

– Долго не осмеливалась. Но все-таки попробовала. Однако, когда мои пальцы коснулись пуговицы на поясе, он перевернулся на живот. И теперь – я гладила уже его спину. Всю оставшуюся ночь. Под утро страшно устала и отключилась.

...Когда проснулась, моего несостоявшегося любовника уже не было! Я вскочила, побежала на кухню, там лежала записка, написанная почему-то крупными печатными буквами:

«СПАСИБО ЗА МАССАЖ!»

Ольга замолчала. Молчала и Алиса. Она представила себя в этой ситуации, и сердце ее сжалось.

– Я застыла на месте... Стояла так продолжительное время. Была без одежды. Очень замерзла!.. – Начальница стала говорить отрывисто. Голос звучал глухо. – Наконец пошла в ванную: долго принимала душ. Мыслей не было... Была вина перед мужем. Хорошо, что он должен был приехать только через неделю.

– Может быть, Виктор все-таки был импотентом! И зло отрывался за это на женщинах? – спросила задумчиво Алиса. – Ведь, судя по всему, он не спал?

– Девочка моя, позвольте мне вас так назвать! Я ведь вам в матери гожусь. Пожалуйста, дайте мне рассказать историю до конца! Если я об этом рассказываю, максимально откровенно, вам первой. Вы даже не можете представить, каково мне сейчас!

– Без комментариев! – пробормотала «девочка».

– Потом у меня резко повысилось давление, я взяла больничный. А когда пришла через две недели на работу, на кафедру ворвалась преподавательница, одна из тех «сорок», которые всегда есть в любом коллективе. «Что расскажу!!! – закричала она. – Наш Витюшка – бабник еще тот! Мне сейчас в канцелярии на ушко шепнули, что в партком студентка жаловаться

приходила: ее подруга аборт сделала от Витьки – теперь в больнице лежит. Требуется принять меры!!!»

Тут раздался странный звук, словно кого-то схватили за горло, а он пытается закричать. Это Люда хватала ртом воздух. Через секунду она выбежала из преподавательской.

«А я смотрю: Витька возле нашей Людки трется! Ну, думаю, дело молодое», – продолжала «сорока». Она еще что-то говорила. На секунду у меня все поплыло перед глазами. Я тоже вышла в коридор и увидела рыдающую Люду. «Людочка!» – только и смогла прошептать я. Она уткнулась мне в грудь. «Ольга Николаевна! Когда он успел? Ведь мы все ночи проводили вместе!!!»

Начальница замолчала. Потом посмотрела на гостью:

– Теперь есть вопросы?

– Да! Зачем вы ему были нужны?

– Вот!!! Я тоже долго задавалась этим вопросом! Виктор исчез из вуза. В те времена все было строго. За соблюдением нравственных норм пристально следили. О нем долго ничего не было известно. Но в девяносто втором году мы случайно встретились. К тому времени муж ушел к другой женщине. Виктора я увидела в гастрономе и едва узнала. Его цвет лица, когда-то такой красивый, приобрел нездоровый оттенок. Волосы поредели, он очень изменился. Видимо, не сладко ему жилось. Встреча была неожиданной, мы буквально столкнулись в дверях магазина. Нельзя сказать, что я была ему рада. Но мне давно хотелось увидеть этого человека: посмотреть ему в глаза! И задать свой вопрос: «За что?!» Не раз представляла, как это будет...

«Виктор Юрьевич?» – Я схватила его за рукав, так как мой бывший «ухажер» норовил прошмыгнуть мимо.

«Да?» – Он скользнул по мне глазами и отвел их.

Я поняла, что ни за что не отпущу его, пока не получу ответа.

«Давайте отойдем в сторонку. Сколько лет, сколько зим!»

«Давайте», – вдруг покорно согласился он.

Я увидела, что он пристально разглядывает мою сумку, которая была набита продуктами: я только что выстояла огромную очередь. Вы помните, Алиса Львовна, девяносто второй год? Зарплаты основной массе народа не платят, в магазинах ничего нет, а если что и бывает, сразу сметается...

– Хорошо помню. Муж тогда подрабатывал дворником в детском саду.

– Лихие девяностые, как их теперь называют. Я же умудрилась к тому времени защитить докторскую диссертацию. Сын уже жил в Америке.

Помогал. Я позволяла себе менять наряды. Выглядела хорошо, несмотря ни на что. В вузе, надо отдать должное, платили не только получку, но и аванс.

...Но вернемся к Виктору. Я поняла, что он голодный, и предложила зайти в соседнюю пельменную.

«У меня нет денег», – пробормотал он.

«Я заплачу».

Купила ему пельменей, чаю, еще что-то... Он молча ел.

«Такое впечатление, как будто вы меня не узнаете», – наконец решила заговорить я, когда он с жадностью съел пельмени и принялся за чай.

«Ну почему же!» – Виктор поднял глаза, зло посмотрел на меня. – Такой *забавной* ночи у меня никогда больше не было!

И издевательски усмехнулся.

Я стиснула зубы, захотелось дать пощечину. Но взяла себя в руки.

«За что вы так со мной поступили? Это жестоко! Я вам ничего плохого не делала. Ничем не обидела!»

«Хочешь знать правду?» – он перешел на «ты».

И я снова увидела лицо, которое однажды было в зеркале: отвратительная гримаса! Он захихикал:

«Я вообще старых баб не люблю. Если бабе за тридцать – у меня всегда «полшестого»²¹. Когда мне было тринадцать лет, в нашем селе у моих родственников играли свадьбу. Все перепились. Спальных мест было мало. Меня положили спать на диване с одной пьяненькой бабенкой, лет сорока, а может, и больше. И ночью...»

«Стала домогаться», – с горьким пониманием продолжила я, надеясь, что на этой моей фразе он закончит свое повествование.

«Хуже...»

Я в недоумении смотрела на него. Он оскалился.

Да, да, Алиса Львовна, это действительно была усмешка-оскал. Наконец брезгливо выдал:

«Сделала лужу.»

Вернее, сказал не «сделала лужу», а значительно грубее.

Алиса закашлялась, чтобы скрыть неуместную улыбку.

– Да ладна?!

– Вот и я остолбенела! В голове в хронологическом порядке промелькнула вся большая ситуация, связанная с ним. И наконец перед глазами снова всплыла красивая картина: снег, Виктор, я и его слова: «Я вас люблю. Давно! Наблюдаю за вами! Вот, осмелился подойти...». Как *все это* и «лужу» можно было совместить!

«Почему же тогда...» – прошептала я. У меня сел голос.

«Ты такая сытая, надменная, холеная, женушка богатенького мужа. Дай, думаю, приударю, подразню от нечего делать. Мозги пудрить таким умницам– разумницам тоже интересно. А что я – парень из деревни. На меня можно как на муху... «Вы в своем уме?...»» – он скривился, изображая меня, садящуюся в такси.

– Классовая ненависть, что ли? – наконец сообразила Алиса.

– Плюс огромное, на уровне одержимости, всеобъемлющее желание меня унижать, уничтожать, не прошедшее с годами.

– Что свойственно ущербным людям. Однако комедиант он был великолепный. Что ж вы сделали?

– Ушла. Молча встала и ушла. У меня не было слов! Понимаете, бессмысленны были все слова! Я увидела конченого человека.

– Как сложилась его жизнь дальше?

Не знаю. Растворился в девяностых. У нас с ним не было общих друзей.

²¹ «Полшестого» (разг.) – аналогия со стрелкой часов. Об отсутствии эрекции.

Глава 6. Блудный муж, а также о женщинах с тенью и без тени

– Давайте еще по рюмочке. – Алиса потянулась за коньяком. – Но позвольте спросить! Ведь, судя по возрасту, вам тогда было что-то около сорока пяти лет, вас бросил муж, это еще, «чудо» с «лужей», которое издевалось. Как же вы не сломались?

– Хороший вопрос! – Ольга сделала паузу. – Но с мужем-то все было понятно. Его грубость, оказывается, имела причину. У него появилась молодая любовница. Она пришла к нему работать на завод в один из отделов. Жила в общежитии. Муж сделал ее директором заводской столовой, по тем временам

– должность хлебная. Говорили, девица с норовом, непредсказуемая. Видимо, ему со мной стало скучно. Возраст у него был опасный. Знаете, это когда мужчина подсознательно хочет жить сначала и, как представитель вида высших млекопитающих, сам того не замечая, пугается, что может уже не успеть осеменить большое число самок. Начинает суетиться... Обычный зов природы! Тут ему попадается ушлая «возлюбленная», особенно если мужчина с деньгами, и наш герой-любовник путает последние гормональные бури с великой любовью.

– Грубо, но... так бывает... Хотя бывает и по-другому, – возразила Алиса и решила добавить: «Редко, но случается действительно великая любовь».

Но не успела. Начальница ее опередила: «не услышав» возражения, она продолжила:

– Более того, мой озабоченный «герой-любовник» не оказался джентльменом: стал менять квартиру. И не в нашу пользу с сыном. В результате я оказалась в однокомнатной. А сын после вуза решил остаться в Москве. Снимал жилье у милой женщины. У нее – дочка, хорошая девочка. Женится на ней. Родилась внучка. Мне некогда было особо жалеть себя. Я некоторое время жила у молодых – помогала. Вернувшись домой, занялась докторской диссертацией. Потом сын эмигрировал в Америку.

– Это внешняя сторона вопроса. Что вы чувствовали при этом?

– В это время меня очень поддерживал сын. Он – замечательный! А как женщина – я училась быть одна. Это ведь только в сериалах если героиню бросает неверный муж, то сразу находится утешитель – принц на белом коне. В жизни обычно если исчезает один, то и другие пропадают. А уж если и появляются, то все сразу.

– Это точно! – подтвердила Алиса. – Ну и научились быть одной?

– Да! Хотя было очень непросто! Но я стала ценить свой уютный дом, свое одиночество, благодаря которому стала свободной, в том числе и от множества домашних обязанностей, связанных с пребыванием рядом мужчины. Главное, я поняла, что нельзя эмоционально ни от кого зависеть. И даже не в плане глубоких чувств. А просто: хочешь праздника – устраивай его себе сама. А если придет мужчина, который подарит тебе этот праздник, тоже хорошо... Не придет... Да и ладно... Жизнь прекрасна! Я долго потом никого к себе не подпускала. Знаете, ведь я была привязана к бывшему мужу и получила «пощечину», любила Виктора и наткнулась на издевательское отношение. Слишком хорошие уроки получила, поэтому и научилась любить себя.

– Как у Пушкина, – усмехнулась Алиса, – мне так нравятся строчки из «Евгения Онегина», как раз по этому поводу!

И она с иронией и одновременно с грустью продекламировала.

Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!

Предмет достойный: ничего
Любезней верно нет его.

– Вот-вот! – отреагировала начальница. – Более того, я научилась избегать отрицательных эмоций. И когда меня кто-то пытается «грузить» ненужным, я раздражаюсь, так как очень берегу свой комфорт и материальный и моральный.

– А что сейчас с бывшим мужем? Он не пытался вернуться?

– Пытался. История стара как мир. Когда началась приватизация, его молодая жена умудрилась приватизировать имущество на себя. И после очередного скандала выставила «нищего» на улицу. Завод к тому времени практически не работал. А потом и вовсе пришли новые хозяева. Старый директор оказался не у дел. Как сейчас помню: за мной только начал ухаживать Алексей Петрович – тогда бравый кавалер...

– Он и сейчас крепкий мужчина. Румяный...

– Это гипертонический румянец. – Ольга грустно улыбнулась. – Нет, время идет. Причем с катастрофической быстротой. Как не пыжься. В общем, иду я домой с букетом моих любимых красных роз, а бывший муж на лавочке сидит с чемоданом. Я тогда еще подумала, что плохо, когда муж уходит к другой, но еще хуже, когда этот блудный персонаж возвращается.

– Его не было жалко? Ведь в том, что вы расстались, была и доля вашей вины.

– То есть? – Начальница недоуменно уставилась на Алису. – Я ему не изменяла!

– Но хотели изменить... Если бы не были холодны к мужу из-за увлечения Виктором, кто знает, может быть, он и не попался бы на удочку молодой хищницы.

– Я вас умоляю!!! – громко воскликнула Ольга. – После двадцати лет брака, а может раньше, все мужья и жены с кем-нибудь мысленно изменяют... А то и не мысленно! И периодически бывают холодны друг к другу... Только не все уходят из семьи!!!

Алиса поняла, что начальница злится.

А та уже возмущенно говорила дальше:

– Знаете, сколько раз я пыталась спастись от Виктора в объятиях мужа!? Только не было тех объятий! А если и были, то – «на скорую руку», чтобы отстала! Муж стал равнодушен ко мне задолго до моего увлечения! А вот когда у меня появился Алексей – он надумал вернуться! Спустил пятнадцать лет!!!

Алиса поняла, что затронула болезную тему, и попробовала ее свернуть:

– В общем, не простили?

Неожиданно лицо Ольги снова сделалось бесстрастным. Словно приступа злости не было и в помине... Она равнодушно произнесла:

– Почему? Простила. Но не настолько, чтобы обременить себя заботой о нем. Снова жарить котлеты! – Ольга усмехнулась. – Я бы ничего не приобрела для себя, поверьте, кроме хлопот. Тем более что передо мной сидел чужой пожилой человек. Хорошо, что на тот момент была жива его мама, к которой он в конце концов и пошел жить.

– С сыном видится?

– Редко. когда тот приезжает в Россию.

– А с вами?

– Зачем? Я боюсь стариков.

– Как это?

– Знаете, есть разные люди: один никогда не будет стариком. И умрет молодым, даже в сто лет. А другой: с сорока – дед. От дедов плохо пахнет – немывтым телом, старой квартирой, ветхой одеждой, безнадегой, отсутствием будущего. Я так боюсь этого запаха! Особенно когда такой «поэт и гусар», как мой бывший муж, вмиг становится стариком и носит сандалии «прощай, молодость»!

– Алексей Петрович не дед?

– Нет! – Лицо начальницы смягчилось. – Он хороший.

– Мы все радуемся, глядя на вас.

– Потому что он зрелый человек, умный, цельный, талантливый, а главное – добрый! Я после Виктора к молодым мужчинам стала относиться с большим подозрением. Вот вы, Алиса Львовна, уверены в том, что знаете, о чем на самом деле думают Иванов и Петров, когда вьются вокруг вас?

Алиса сначала не поняла, о каких Иванове и Петрове идет речь, – так резко начальница сменила тему. Потом до нее дошло, что Ольга имеет в виду Гошу и Кешу! То есть Георгия Андреевича и Иннокентия Александровича. Их фамилии были действительно Иванов и Петров соответственно, что давало им повод лишний раз покуражиться. Алиса сама видела, как однажды в кафе они картинно представились двум кокетливым девицам: Георгием Штольц²² и Иннокентием Купершток²³. Улучив момент, Кеша продекламировал:

– Наследник Пушкина и Блока,
я – сын еврея Куперштока!.

После чего одна из девиц неделю звонила на кафедру, требуя к телефону «Куперштока», время от времени меняя сочетания букв в этой фамилии, чем довела до истерики Ирину Георгиевну, уставшую отвечать, что здесь такой не работает и не живет. Гоша, и Кеша тогда очень повеселились... выдвигая перед коллегами самые дикие гипотезы о личности звонившей. Алиса их не выдала.

– Почему вьются? Мы друзья и коллеги! – недоуменно возразила Алиса.

– Это для вас они друзья. А вы для них, возможно, желанный сексуальный объект.

– Ну нет! – засмеялась Алиса. – Эдиповым комплексом они точно не страдают. У них бурная личная жизнь.

– Хорошо! Тогда, возможно, им просто льстит, что такая интересная, умная женщина общается с ними «на короткой ноге».

– За комплименты спасибо!

– Бросьте, Алиса Львовна. Вы прекрасно знаете себе цену.

И Ольга Николаевна продекламировала:

– «...Окруженная поклонниками, я привыкла воспринимать мужчин как некий обязательный и привычный фон: они существовали для того, чтобы дарить цветы, говорить комплименты... или оглядываться на меня на улице»²⁴. Это и про вас. Понимаете, я ведь тоже была красивой женщиной. Но не умела пользоваться своими привилегиями. Не умела чувствовать себя красивой. Я вижу, как вы мастерски держите всех мужчин кафедры в особом тоне. А Ивана и Петрова приблизили к себе, потому что они молоды и хороши собой, что для фона очень важно...

Алиса была очень удивлена. Если бы не мягкое, непривычное выражение лица начальницы, она бы решила, что находится у нее на «ковре». В голову пришла мысль: «Похоже, это "месть" за комментарии по поводу ее вины в разводе...»

А Ольга продолжала:

– Но! Бойтесь! Играете с огнем! Вдруг Иванов объяснится вам в любви? Уверены ли вы, что ваши чувства и чувственность будут в такой же крепкой рациональной узде, как сейчас, и вас не постигнет та же участь, что меня с Виктором?

Алиса помолчала, потом усмехнулась:

²² Штольц – один из героев романа И.А. Гончарова «Обломов».

²³ Купершток Арон Ильич – поэт, переводчик, именно ему приписывают это четверостишие.

²⁴ Вишневская Г.П. Галина / Г.П. Вишневская. М.: Вагриус, 2007.

– Только буду рада! – Ей явно не нравился разговор, но она решила его продолжить, так как не могла понять цели своего визита.

– Вам не безразличен Георгий Андреевич? – удивилась Ольга.

Алиса засмеялась.

– Позвольте придать нашему разговору философский смысл. Я искренне позавидовала вам, когда вы покрылись румянцем, рассказывая о своем молодом мучителе. К сожалению, не помню, когда я так краснела...

И продолжила после секундной паузы:

– В свою очередь спрошу: были ли в вашей женской, тайной эмоциональной жизни более восхитительные минуты, чем те, когда вы сидели с Виктором на крутящихся стульях в кулинарии? Я говорю про минуты, когда вы думали, что он вас любит?.. Я называю это *звуками небесной флейты*...

– Считаете, что лучшее в моей жизни было связано с таким ничтожеством, как он?! – Ольга задумалась, потом, словно оправдываясь, продолжила. – Поверьте, я знавала и другие более всепоглощающие мгновения, из области, как вы говорите, небесной музыки... Но то другая история...

Алиса смотрела на спокойное лицо начальницы и недоумевала. Потом решилась сказать, потому что чувствовала, как подступает раздражение. Это ей не нравилось. Она ровно и тихо произнесла:

– Вы пригласили меня поговорить о моих отношениях с молодыми мужчинами? Прочитать мне мораль?

– Боже упаси! Не упрощайте меня... Вы даже представить себе не можете, *о чем* я собираюсь еще рассказать. Извините, если я взялась учить вас жизни. Это, как говорится, мои «броуновские мысли»²⁵, неожиданно свернувшие на Иванова и Петрова.

– Зачем же тогда так подробно рассказывали о Викторе?

– Чтобы быть уверенной, что, когда я расскажу то, ради чего пригласила, у вас не будет мысли, что ситуация, в которую я недавно попала, была, хоть на каплю, мной спровоцирована. Ибо ситуация щекотливая, невероятная и, я бы сказала, противоестественная.

Но Алиса была задета. Ей надоело безупречно «держат спинку», и она перешла на стиль речи, который иногда любила продемонстрировать:

– Вы меня снова заинтриговали. Но раз уж пошла такая «ботва», проясню свою позицию. И пусть буду нескромной! Мне кажется, что я – просто *тупо* интересный человек. И Иванов с Петровым тоже – *тупо* интересные люди. И нам вместе – *тупо* интересно. Кроме того, у нас совместные проекты: научные статьи вместе пишем, и не только... Даже если я что-то про себя и не понимаю и моя подсознательная цель – создание свиты, «фона»... то сколько мне осталось гарцевать: максимум лет пять? А после – «фон» как дым развеется!

– И вы впадете в депрессию! – усмехнулась Ольга.

– Не дождетесь! – уже со спокойной улыбкой отреагировала Алиса. – Я стану умной, ироничной, обаятельной зрелой женщиной, законодательницей стиля. Таких мало в нашем обществе...

Гостя понимала, что начальнице хочется услышать продолжение: «таких, как вы, Ольга Николаевна!». Но Алиса этого не сказала. Она не считала начальницу обаятельной – считала ее «улиткой», которая наслаждается своим «домиком». А в «домике» все уютненько: и работа, и квартирка, и даже поклонник, поднимающий самооценку. Это не было осуждением – просто констатация факта. Поэтому, вздохнув, Алиса добавила:

²⁵ Имеются в виду «хаотические, беспорядочно сталкивающиеся мысли», по аналогу с броуновским движением, где броуновское (брауновское) движение – беспорядочное хаотическое движение мельчайших частиц, взвешенных в жидкости или газе, под влиянием ударов молекул окружающей среды. Открыто английским ботаником Р. Броуном, который наблюдал в микроскоп движение цветочной пыльцы, взвешенной в воде.

– Если серьезно... то очевидно же: когда исчезает «фон», становится ясно, кто действительно друг, а тем более понятно, кто по-настоящему любит!

– Вы не ответили на вопрос об Иванове! – Начальница лукаво смотрела на Алису.

Гостья сделала вид, что ничего не замечает. По-доброму улыбнулась и произнесла:

– Итак – представим Иванова в роли *как бы* влюбленного в меня... – Алиса сделала акцент на слове «как бы» и сразу же добавила: – Оговорюсь... Сравнение с Виктором здесь неуместно. Георгий Андреевич – хороший человек. И если он вдруг (что трудно себе представить) признается мне в своих чувствах и моя душа откликнется на признание (что не менее трудно представить), я с благодарностью переживу эти мгновения, и все, что потом, возможно, последует. Или *не* последует! И запомню на всю жизнь! Главное, чтобы эти *объяснения* и прочие *переживания* не коснулись моей семьи. Надо всегда помнить, что женщины с тенью обыкновенно дурно кончают ²⁶.

– Однако *женщине должно быть неприятно без тени*. – Ольга явно провоцировала гостью.

– Вечная наша женская дилемма, – вздохнула Алиса. – Поэтому, с одной стороны, я вам по-своему завидую, а с другой – нет! Если честно, я бы хотела влюбиться, но... безответно...

Алиса хотела продолжить: «...только в адекватного человека, можно и в Иванова», но передумала. Это могло навредить той психотерапевтической «паутине», которую она невольно стала плести вокруг Ольги после ее рассказа о Викторе и его выходках. Надо было заставить начальницу взглянуть на ситуацию по-другому, поэтому гостья сделала паузу, ожидая вопроса.

Вопрос последовал тут же:

– Безответно?! Что может быть хуже безответной любви?

Алиса улыбнулась.

– Почему-то считается, что вершина отношений – это восхитительный секс с элементами романтики между близкими людьми, которые верны друг другу и которые не могут друг без друга жить. Так ведь пишут в женских романах?

– Пожалуй... – подумав, сказала Ольга.

– А много вы в жизни видели таких вершин? В жизни – то романтики, то секса, то верности, то понимания не хватает. Чего-то всегда мало! Поэтому не стоит искать полной и постоянной гармонии между людьми. Тот, кто ее ищет, всегда разочаровывается. Ибо финал любых отношений, как правило, прозаический. И хорошо, если эта «проза» основана на ответственности, взаимопонимании и комфорте, с чудесными воспоминаниями о прошлых страстях. Хуже, если после ухода страсти приходится ложиться на рельсы, в прямом или переносном смысле! Представьте себе, что Виктор ответил бы вам взаимностью. Жили бы сейчас с ним!

– Боже упаси!!! – вырвалось у начальницы.

– Видите! И ваша реакция понятна. Так что надо радоваться способности испытывать сильные чувства. способности создать себе иллюзии. Ожидание счастья дает такую возможность! Безответная любовь стимулирует позитивную фантазию. Дает нам незабываемые ощущения! И иногда проносится через всю жизнь. Сколько, благодаря этому, написано прекрасных стихов и песен!

Больше всего Алиса боялась, что начальница выведет ее на чистую воду, вспомнив о понятии «сублимация» ²⁷. Именно сублимацию сейчас усиленно рекламировала гостья,

²⁶ Цитата из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: «Разговор был очень приятный. Осуждали Карениных, жену и мужа. Анна очень переменилась с своей московской поездки. В ней есть что-то странное, – говорила ее приятельница. Перемена главная та, что она привезла с собою тень Алексея Вронского, – сказала жена посланника. Да что же? У Гримма есть басня: человек без тени, человек лишен тени. И это ему наказание за что-то. Я никогда не мог понять, в чем наказание. Но женщине должно быть неприятно без тени. Да, но женщины с тенью обыкновенно дурно кончают, – сказала приятельница Анны» (Толстой Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. Тула, 1964).

²⁷ Согласно З. Фрейдю, сублимация – это замещение, перенесение, переключение сексуальной энергии, влечения (либидо) на социальную деятельность, культурное творчество.

невольно занимаясь психотерапией. Алиса понимала, что в ее словах не все правда. Ужас заключался в том, что «психотерапевт» и сама не знала, где она лукавит. Но чувствовала, что говорить надо именно *это* и именно *так*. Ольга должна была перестать считать своего несостоявшегося любовника главной трагедией жизни.

– То есть я должна быть еще и благодарна Виктору? – наконец изумленно отреагировала начальница.

Алиса с облегчением вздохнула и с воодушевлением ответила:

– В некотором смысле – да! – Она улыбнулась и продолжила: – Хоть он и мелкий пакостник...

– За что?!!

– За то, что избавил вас от себя! И, главное, за иллюзию счастья! Пусть хоть и кратковременную. За то, что вы *слышали флейту*... Другим этого не дано! – Алиса вздохнула. – Я давно поняла, что очень важно, что *тебе*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.